

**Эпидемия
одарённости
Конкурс КЛФ «Контакт»**

**Новокузнецк
2024**

Кемеровское региональное представительство
Общероссийской общественной организации
«Союз российских писателей»
Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Эпидемия одарённости

Конкурс КЛФ «Контакт»

Новокузнецк
«Ник без Compani»
2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Э71

Посвящается 95-летию «Гоголевки»

Э71   **Эпидемия одарённости** : конкурс КЛФ «Контакт» / Кемеровское региональное представительство Общероссийской общественной организации «Союз российских писателей», Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк : Ник без Company, 2024. – 84 с.

12+

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Рассказы конкурса КЛФ «Контакт» 2023–2024 года «Эпидемия одарённости». Первые пять рассказов – победители конкурса по решению жюри и читательского голосования. Ещё два рассказа – по выбору издателя.

**Список авторов
конкурса фантастического рассказа
«Эпидемия одарённости»**

Рассказ № 1 «ПАН-НУС» – Сергей Белаяр, г. Брест, Республика Беларусь,.

Рассказ № 2 «Раздвоение личности» – Турович Ирина Владимировна, г. Минск, Белоруссия.

Рассказ № 3 «Дом на берегу» – Колтаков Александр, Новокузнецк.

Рассказ № 4 «Извечный гриб, или Главный паразит земли» – Влад Шустов, г. Тортоса, Испания.

Рассказ № 5 «Чистая плёнка» – Черкасов Юрий Витальевич, г. Луганск, ЛНР.

Рассказ № 6 «Алюминиевая кружка» – Ионин Александр Анатольевич, г. Анжеро-Судженск.

Рассказ № 7 «Весёлое языкознание» – Ларин Валерий Иванович, Новокузнецк.

Рассказ № 8 «Особенный день» – Алексей Михайлов, г. Радужный (Владимирская обл.)

Рассказ № 9 «Олухи царя небесного» – Семёнов Дмитрий Александрович, Новокузнецк.

Рассказ № 10 «Чудо» – Тарасова Наталья Андреевна, Новокузнецк.

Рассказ № 11 «Неразумные дети благодатной земли» – Надежда Красильникова, Новокузнецк.

Рассказ № 12 «Последний романтик» – Мченский Иван Владимирович, Новокузнецк.

Рассказ № 13 «Редкий дар» – Светлана Александровна Кузьева, пос. Тайжина.

Рассказ № 14 «Наедине с пустотой, или Р96» – Денисова Татьяна Лукьяновна, г. Междуреченск-Новокузнецк.

Решение жюри

1 место	– рассказ № 9	– $5+4+0+5+4=18$
1 место	– рассказ № 13	– $4+5+1+3+5=18$
2 место	– рассказ № 14	– $3+3+0+4+3=13$
3 место	– рассказ № 10	– $2+0+5+0+0=7$
4 место	– рассказ № 3	– $0+0+4+0+1=5$
4 место	– рассказ № 2	– $0+0+3+0+2=5$
5 место	– рассказ № 8	– $0+0+2+0+0=2$
5 место	– рассказ № 12	– $0+2+0+0+0=2$
5 место	– рассказ № 1	– $0+0+0+2+0=2$
5 место	– рассказ № 5	– $1+1+0+0+0=2$
6 место	– рассказ № 7	– $0+0+0+1+0=1$

Результаты голосования на приз читательских симпатий

1 место – № 8	– 9 баллов
2 место – № 9	– 8 баллов
2 место – № 13	– 8 баллов
2 место – № 14	– 8 баллов
3 место – № 6	– 6 баллов

Дмитрий СЕМЁНОВ
(Новокузнецк)

Олухи царя небесного

У Майкла Саливана, не смотря на пятницу, знаменующую конец рабочей недели, настроение было ни к чёрту. Равно, как и в четверг, и в среду тоже. Неделя, обещавшая только предрождественские хлопоты и премии от фирмы, обернулась для сорокалетнего мужчины неожиданными хлопотами.

Фирма «Наносеть» являлась флагманом технологий нейросетей, имплантов, биопротезов, модулей искусственного интеллекта в Северной Америке, и вроде как ничего её успехам не угрожало. Однако недавнее происшествие заставило Майкла нервничать. Традиционная предрождественская лотерея среди клиентов, которая проводилась уже не первый год, в этот раз окончилась неожиданным финалом, заставившим бухгалтерию и отдел обновлений пользовательской нейросети «Марк три», образно выражаясь, побегать по потолку. Оказалось, в результате розыгрыша подарочное обновление получили не три счастливица, а все клиенты! Полтора миллиона пользователей! И практически все клиенты люди состоятельные и уважаемые! Сообщение о сбое и аннулировании обновления явно принесло бы колоссальные репутационные потери!

Майкл не являлся программистом или техником, по должности он был исполнительным директором сектора наносетей, но отвечал за это направление сервиса, и теперь на него снова, образно выражаясь, посыпались шишки. Словно в подтверждение мрачных мыслей Майкла, в центре комнаты появился оранжевый столб голографической связи и зазвучал имперский марш из «Звёздных войн» – древней киноленты прошлого века. Майкл сам поставил эту мелодию, она означала только одно: «уважаемый Такеда Ияши, глава компании, пожелал общения». Майкл поправил галстук и дал коммуникатору команду принять вызов. В оранжевом столбе, материализовался облик шефа. Противный древний старикан, заставший бензиновые двигатели и кнопочные телефоны, с прищуром оглядел Майкла, ткнул в него пальцем (очень кстати вызывающий и некультурный жест), прошепелявил:

– На месте? Я сейчас спущусь к тебе на твой этаж. Я читал твои доклады. Нужно обсудить некоторые моменты лично! Я этим вот проекциям не доверяю! Вы тут совсем продвинутые стали! На совещание

выставляете своих клонов под управлением нейросети, а сами с секретаршами или куклами всякими латексными милуетесь! – и отключился.

Майкл сполз по креслу и прикрыл лицо ладонями. Потом стал разминать большими пальцами виски и бубнить: «Мда... не прокатило... как же хочется выматериться от души и что-нибудь поломать, только вот старик всё увидит и только посмеётся. Из плюсов, пока шеф с 78 этажа спустится на 59 этаж, у меня есть несколько минут придумать новые оправдания. Вешать собак на Орлова? Нет, не пойдёт, кроме него проект «Марк три плюс» никто не вытянет, а убытки от провала похоронят саму фирму, про миллиард энергокредиток упущенной выгоды, придуманные бухгалтерией и на самом деле являющиеся виртуальными расходами, я уже докладывал. Видимо, придётся, образно выражаясь, из этого лимона как-то сделать лимонад!»

К появлению шустрого пожилого азиата, некоторые образы и идеи в голове Майкла стали проясняться. Когда двадцатипятилетний босс вошёл, ковляя на своих биомеханических протезах, он уже взял себя в руки. А в его голове словно высветились строки:

*Плешивый старый шут
нашёл ко мне маршрут.
Опять про прошлый век
расскажет байку.
О том, что он герой.
А вы сплошной отстой.
И место вам одно – на свалке!*

«Твою же мать! – Майкл про себя выругался. – Все вот эти «образные выражения», не понятно самому как вылезшие цитаты, а в довершении эти самые стихи! Это ведь как раз эффект того самого бесплатного подарочного расширения!» Раздумывая об этом, Майкл чуть не пропустил слова шефа, который сказал:

– Майкл! Ты много букв написал в своём э... манускрипте! Но теперь тебе придётся очень коротко и по делу всё озвучить – и не мне! И даже не инвесторам! А всем жителям страны! Сегодня, как всегда, пятничное вечернее шоу с Роем Робсоном! Там у тебя будет несколько минут между каким-то парикмахером и юристом по домашним животным! Ты лично поедешь и всем в прямом эфире расскажешь, какая мы отличная фирма и как заботимся о клиентах. И пусть обновление "Литературное творчество, стихосложение и основы риторики" не такое значимое как "Программирование и робототехника", но оно, в конце концов, бесплатное! Слышишь ты меня, олух царя небесного?»

Майкл прекрасно слышал и прекрасно знал, откуда у Такеды выражение про царя небесного появилось. Наносеть любезно пояснила все значения, так как именно в ней ископаемое русское (но с тюркскими корнями) выражение, значащее буквально – ошибка бога, его неудача, его погрешность, и хранилось. Такеда на самом деле родился американцем в третьем поколении, и иногда мог имитировать японский акцент. Насколько Майкл знал, шеф и японским то владел только на бытовом уровне, и кроме как из базы нейросети «олух царя небесного» не родилось бы никогда.

Рой Робсон уже одиннадцать лет как стал звездой Национальной Телесети. Эпатажный и остроумный афролатиноамериканец начинал как комик и стендапер, позже подвязался вести предвыборные дебаты, которые и сделали его знаменитым. Причиной популярности «Пятничного вечернего шоу» многие называли ретроградство Роя. (На самом деле его звали Августо Мария Санчес Гевера). Он стилизовал своё шоу под телепроекты 20-21 веков, с минимумом спецэффектов, всегда с живым общением. Современных ухищрений Рой не признавал. Никаких виртуальных фильтров подсветок, никакой голограммы, никакой цветокоррекции и коррекции звука! Только реалистичный вид и оригинальный звук! В итоге те звёзды и герои новостей, политики, которые появлялись на шоу, выглядели иначе, чем в других, по стандартам современности обработанных трансляциях. И это подкупало! Все не ретушированные словесные ляпы и пятна на лице тут же становились темой обсуждений в блогах и чатах. Кроме того, Рой славился неожиданными вопросами, из-за которых десятки политиков и бизнесменов иногда завершали свою карьеру или, наоборот, становились известными всему Западному полушарию. Впрочем, никто особо и не скрывал просто неприличные гонорары Роя за несколько минут «засветки» на его шоу.

Майкл отвык от людей, он вообще бы все дела решал бы удалённо, а высиживание в офисе считал глупой блажью шефа. Суэта шоу его напрягала, как и все эти осветители и гримёры, толпы помощниц в мини-юбках, кишевшие вокруг. Наконец Рой закончил допрос парикмахера о моде на татуировки на лысынах и свет софитов сосредоточился на диване, где страдал ожиданием Майкл.

Рой, лучась своей африканской улыбкой на все 32 зуба, громко объявил: «Наш ближайший гость на несколько минут до следующего рекламного блока мистер Майкл Саливан! Как представитель "Наносети", он расскажет нам о новом подарке всем пользователям в виде бесплатного всеобщего обновления! И что будет следующим? Мы все

заинтригованы! Почему именно "Литературное творчество, стихосложение и основы риторики", а не Кама-сутра, проблемы отношений между полами ведь тоже актуальны? Хотите ли вы сделать модуль Марк три доступным школьникам?»

– Э... – промямлил Майкл, смущённый напором ведущего, сколько бы он ни готовился, его сумели сбить, но он сконцентрировался и выдал заготовку: – Все мы знаем, что за нейросетями будущее. Успехи наносетей в сфере образования, развитии новых технологий, обслуживании медицины, робототехники, программировании всеми признаются, но мы много сделали также в обеспечении обороноспособности и защите от чрезвычайных происшествий, а сейчас настало время подумать о культуре. Вот... Для динамичного развития личностей... Да... Сейчас стоимость модулей баз знаний – дорогостоящее приобретение. И в основном у нас специалисты покупают модули для трансплантологии, программирования, управлении техническими процессами. А баз намного больше... и вообще мы можем и собираемся увеличить количество наших клиентов в сотню раз и сделать наносети доступными всему человечеству. Наше бесплатное расширение только – первые шаги.

– О! Вы хотите сказать, что готовы убить всю действующую систему образования в пользу простого подключения ваших баз? Вы уже несколько лет пытаетесь пробиться в школу, и даже до животных добирались. Вы понимаете, что федеральными законами только совершеннолетние и дееспособные могут установить себе нейросети? Мы все помним скандал трёхлетней давности, когда военные пытались с помощью ваших разработок превратить особых детей, альтернативно одарённых с аутическими особенностями в суперсолдат! Не скрою, ваши говорящие коты и собаки наделали шуму. Но ведь судом доказано, владелец не с животным общается, а с нейросетью в теле животного! Я знаю, что вы не согласны. Но суд есть суд! Я и миллионы простых американцев просто интересуются, почему не Кама-Сутра, а именно стихосложение? Потому как оно безвредное? – продолжил свой напор ведущий.

– Наносети не несут никакого зла. Мы даём просто доступ к знаниям, которые воспринимаются мозгом, равно как и приобретённые на видеоуроках, при чтении, при личном опыте. Если человек ими пользуется, то они и проявляются.

– А вы знаете о движении «*Libertas cogitationis*», в переводе с латыни это значит свобода мысли? Так вот! Они считают, что, предоставив доступ к мозгу нейросети, мы станем биороботами. И

какой-нибудь новый фюрер нажмёт на кнопку, и запрограммированные люди пойдут убивать себе подобных!

– Мистер Рой! Эти конспиративные теории неистребимы! Люди и от телефонов с паровозами в своё время шарахались, в конце концов! Нас воспитывает окружение! Мы такие, какими выросли! – Майкл на секунду замолк, считывая подсказки нейросети, и продолжил: – Вот Фридрих Ницше в стихотворении «Воля» сказал:

*Мой парус – мысль моя, а кормчий – дух свободный,
И гордо мой корабль плывёт по лону вод,
И голос совести, стихии благородной,
Спасёт, спасёт меня: я с силою природной
Один иду на бой, и океан ревёт... –*

и добавил: – Вот вы заладили Камасутра, Камасутра! Да она есть в подарочной базе! «Ватьсьяна Кама сутра», вернее, «Ананга-Ранга» сборник за авторством Кальянамаллы. Не надо её делать отдельной базой! Но там не похабщина и разврат, там всё-таки стихи! Вы сами всё поймёте, когда подключите эту базу!

– Как интересно! – Рой заметно оживился. – Очень жаль, что мы уходим на очередной блок рекламы, а затем у нас следующий гость! Но мистер Майкл меня заинтриговал! А как лихо он цитировал этого Ницше Фридрихсона? А вас, уважаемые зрители, что именно заинтересовало? Пишите свои впечатления! Мы всегда следим за вашей реакцией!

Зимний слякотный вечер среди небоскрёбов не способствует веселью, не смотря на кричащие яркие огни видео-афиш и голограмм, расцветившие мегаполис. Майкл задремал в кресле роботизированного такси и предавался меланхолии, размышляя напиток ли ему всё-таки или нет. Вроде как вредно. Переживания о своём выступлении уже выветрились. Колченогий старикан позвонил ему сразу после эфира и радостно поздравил с успешным выступлением, похвалившись, что буквально через несколько минут после шоу онлайн-сервис продаж захлестнули тысячи запросов доступно ли новейшее бесплатное обновление новым клиентам. Одновременно с Малазийской биржи поступили данные о росте котировок «Наносети» на восемь пунктов. В итоге прогнозировалось, что обновление, казавшееся провалом, может ещё и прибавить прибыль. Но Майкл чувствовал себя разбитым. Само собой нейросеть подкинула ему рифмованные строчки под его настроение.

*Но император вновь в изгнание идёт,
надевши Котелок и Серый Редингот,*

*навеки распротяться с отчизною любимой
и с битой армией своей непобедимой.*

«Да уж. Поль Верлен, перевод с французского кусочка стихотворения "Вояка-хлебороб". А вот как оно звучит на французском? Нейросеть промолчала. А жаль. Языковые базы надо подключить. Интересно же, как в оригинале на французском. Ещё вот русских классиков в оригинале бы почитать. Гм... русские. А не задать ли мне пару вопросов господину программисту Орлову, втравившему меня во всё это?»

Майкл отдал команду роботакси следовать по адресу жилья и работы ведущего программиста корпорации.

Олег Орлов находился на месте. Снова мудрил нечто загадочное за своей старомодной клавиатурой, под свою жуткую ископаемую музыку Высоцкого. Оглядев потерянное выражение лица Майкла, программист ухмыльнулся, выудил из мини-холодильника под столом бутылку водки и банку пива. Вздохнул, поставил пиво обратно, но достал какие-то колбаски и порезанный сыр.

Первую стопку выпили молча, вторую под кряхтение Майкла, непривыкшего к крепкому алкоголю. Наливая третью стопку, Олег сказал:

– Ну извини, Майкл, так получилось. Не то, чтобы я хотел кому-то что-то доказать. Но ничего лучше не придумалось.

– Олег, ты мог хотя бы предупредить! Я понимаю все твои проблемы с этими исками зоозащитников, с военными, которые требовали продолжение разработки искусственного интеллекта для военных беспилотников. Но почему литература и стихи? Ты же хочешь изменить наше общество, вот признайся! Хочешь же! И почему не религия или эти ваши русские Ленин и Маркс?

– Маркс не русский, — поморщился Олег, — просто вы слишком меркантильные и жадные, мелочные и равнодушные. Не ты именно, конечно, но вся окружающая цивилизация. Я сделал нейросеть, которая сама ищет знания, эмоции и впечатления, сама их собирает, структурирует и превращает в доступную для усвоения человеком форму. Я мечтал о прогрессе, об освоении Марса. Увы! Всё скатилось к меркантильности, всё продаётся. Я надеюсь, новые знания смогут людей изменить. Изменить их отношение к себе и окружающим! Всё ваше радушие и доброжелательность формально и неискренне! Вы всё обосновываете тем, что бесплатное не ценится, но так же нельзя! Как сказал Владимир Высоцкий:

*Я понимаю, как смешно искать в глазах ответ.
В глазах, которым всё равно – я рядом или нет.*

Поэты они вообще про душу и про судьбу размышляют. Вам, наверное, тоже надо.

– Угу, – согласился Майкл, замахнул очередную стопку. С подсказки нейросети вернул цитату Владимира Высоцкого:

«Никогда не суди с первого взгляда ни о собаке, ни о человеке. Потому что простая дворняга может иметь добрейшую душу, а человек приятной наружности может оказаться редкой сволочью».

– Ну вот! Ты, однако, начинаешь понимать русскую душу! И вообще душу! – ободрил его Олег.

– Мне надо только ещё русский выучить! Чтоб ещё больше понимать, что ты там опять учудишь!

Внезапно смартбраслет Майкла засветился вызовом. Голограмма шефа обозрела Майкла и Олега:

– А, вот вы где! Расслабляетесь, да? Затеяли тут под конец года суету и заливаеете глаза? Так вот! Грядёт эпидемия одарённости! И мы это возглавим! Я сегодня наблюдал, как моя секретарша спорила до хрипоты с начальницей отдела сервиса VIP-клиентов о стихотворных рифмах, о всяких там хорях и амфибрахиях! Ваше обновление уже переключило мозги простым людям и сотрудникам! И это хорошо! Это новые возможности! Орлов! Немедленно дай задание своей суперсети «Blessed Virgin» формировать новые базы! Я считаю, что скоро будет востребована музыка! Стихи и музыка. Это должно сочетаться! И живопись ещё готовь! Записывай: Жи-во-пись!

– И ещё иностранные языки! – вклинился Майкл. – Русский и французский для начала. Ну, и китайский, наверное, потому как автопереводчики смартфонов – это отлично, но я хочу Поля Верлена в оригинале оценить!

– Мда... Ну и олухи же вы... Царя небесного! Все эти знания всегда были общедоступными, и эти базы больше года размещены в каталоге фирмы! Но вы их в упор не видели, пока не появилась новая мода! – пробубнил Олег Орлов, закинулся стопкой водки и занюхал её рукавом.

Но он улыбался!

Светлана КУЗЬЕВА

(пос. Тайжина Кемеровской обл.)

Редкий дар

В воскресенье Алексей Петрович копал огород. Ковырнул он лопатой землю, и из комьев земли выскочила мышь. Округлая, пузатенькая, беспомощно мечется, хочет в открывшуюся норку запрыгнуть, да не получается. Высоковата норка оказалась. «С приплодом», – подумал Алексей Петрович. Взял да и подхватил мышь лопатой, ещё и пальцем в старой перчатке помог ей забраться в норку. А перчатка на пальце лопнула, и тот коснулся мышьиной плоти. По пальцу как будто волна электрическая пробежала.

По дороге домой встретил он соседа по огороду Кочерыжкина. Неприятный был мужик, работать не особо любил, зато постоянно вынашивал бредовые идеи, как раздобыть денег. Кочерыжкин тут же попросил занять ему «хоть тыщонку». У Алексея Петровича денег с собой не было, но он пообещал, чтобы быстрее отвязаться. Сосед благодарно потряс ему руку.

Дома была тёща Павлина Спиридоновна.

Павлина Спиридоновна была рождена для великих дел, но по какой-то ошибке судьба её оказалась связана с местной птицефабрикой, где она до последнего времени была на хорошем счету и даже являлась примером для подражания. При появлении зятя она отложила книгу Агаты Кристи, вытянула губы в тонкую полоску и уставилась на вошедшего, при этом она не улыбалась. Алексею Петровичу стало не по себе, как будто он тайно совершил что-то нехорошее, а Павлина Спиридоновна призвана была эту тайну обнаружить

– Вам не понравилась Кристи? – нерешительно произнёс он.

– Нет, – отрезала тёща, – сборище бездельников. Не знают, чем заняться. Вот если бы я провела расследование на птицефабрике, я бы живо всех на чистую воду вывела.

Острым взглядом потенциального следователя тёща нащупала у зятя самую подозрительную часть тела на данный момент – его руку.

– А что это ты палец прячешь? Куда это ты вляпался?

С этими словами Павлина Спиридоновна развернула его ладонь к себе.

Алексей Петрович смутился и не знал, что сказать. Только сейчас он обнаружил, что палец, которым он коснулся мыши, заметно порозовел,

и на нём выступили крошечные пятнышки. Это обеспокоило его. Позже он старательно тёр палец под краном и даже дезинфицировал его до тех пор, пока не пришёл Кочерыжкин. Передавая тому деньги, Алексей Петрович заметил на его ладони такие же пятнышки. И ему опять стало не по себе.

А ночью даже приснилось нечто несуразное. Будто бы подходит к нему женщина в тёмной одежде, лица её он не видел, а слышал лишь голос.

– Спасибо тебе, Алёша, – сказала женщина. – За то, что ты спас наследника великой династии, получишь в награду могущество. Благодаря ему обнаружишь в себе редкий дар. Можешь поделиться этим могуществом и с другими. Тогда и они исполнят свою мечту. Но владеть своим даром будешь до тех пор, пока рука твоя не очистится.

И тут женщина повернулась, и он увидел, что это мышь. От неожиданности он закричал и чуть не свалился с кровати. Хорошо, что жена Галина вовремя схватила его за руки. После он долго не мог заснуть, присниться же такое...

Утро началось со скандала. Павлина Спиридоновна рассмотрела, что кончики её пальцев начали розоветь, и обвинила зятя в том, что он вступил в сговор с Кочерыжкиным с целью сжить её с бела света. Но жена Галина после ночного полёта с кровати была обеспокоена его здоровьем и даже советовала съездить в санаторий.

Ближе к вечеру она уже сама с интересом рассматривала свои зарозовевшие пальцы, но при этом не обнаруживала никакого беспокойства. Напротив, она казалась воодушевлённой и даже похорошевшей.

Алексей Петрович отказывался верить своим глазам. Какая-то фигня. Рассудок его сопротивлялся. Но в то же время он смущённо думал, что все тайны жизни ещё не познаны. И если это всё имеет место быть... То он обладает каким-то могуществом и уже передал его троим, тем, кто прикасался к его пальцу. Чтобы не разбазаривать полученное богатство, своё могущество, он на всякий случай замотал палец бинтом. И ходил как больной, стыдась и мучаясь в догадках, что же из себя представляет этот редкий дар, который скрывается в нём.

Он пробовал петь, бегать, рисовать, сочинять стихи, декламировать, читать по-немецки, копаться в компьютере, даже вязать. Никаких талантов не обнаружилось.

Ответ был получен как бы случайно.

К Павлине Спиридоновне пришла заплаканная соседка и сообщила, что жить ей осталось недолго, флюорография показала, что у неё нет одного лёгкого, видимо, съел рак. Пока женщины охали, Алексей Петрович в недоумении рассматривал гостью: такая цветущая – и что с ней случилось? Вдруг он неожиданно для себя воскликнул:

– Смотрите! Оба лёгких на месте. Вот же они. И чистые. Так что, всё в порядке.

И сам испугался своих слов. Недоумевающим женщинам, Алексей Петрович, запинаясь, пояснил:

– Наверное, просто перепутали снимок с другим. Вернее, фамилии. Заставят сделать флюорографию повторно.

Так всё и вышло. Соседка оказалась вполне здоровой. А Алексей Петрович понял природу своего дара. Он способен видеть внутренности человеческого тела. Сквозь одежду и кожу. Как этот процесс происходит, он не смог бы объяснить. ПРОСТО ВИДЕЛ НАСКВОЗЬ – И ВСЁ.

Это открытие его так ошеломило, что первое время он жаждал подтверждения. Жена и тёща были тайно просканированы им «от и до». Он смог разглядеть занозу в больной пятке Павлины Спиридоновны, хотя ей ставили диагноз – артрит. Жена Галина страдала грыжей на позвоночнике. Изучив, как должна выглядеть эта грыжа, он без труда её обнаружил.

Но однажды после такого, отнимающего много сил рентгена, он вышел освежиться на улицу. И тут его ждал удар. Алексей Петрович понял, что способности видеть насквозь у него уже нет. Пришёл автобус, и с десяток мужиков прошли мимо него. Некоторые останавливались, закуривали, разговаривали. Но ни один не приоткрыл ему свои внутренности.

Разочарованный, он поплёлся домой и чуть не снёс с дороги старушку-одуванчика. Он увидел, как у той затрепыхалось сердце, какие слабые у неё сосуды и кости, как вяло течёт кровь. Тут его как будто ещё раз по голове стукнуло. Он догадался, что Мышь буквально исполнила его желание, которое он вынашивал в молодые годы – видеть женщин насквозь, чтобы лучше их понять. Только женщин.

Теперь, когда всё прояснилось, мышиный дар не казался уж таким чудесным. Вот зачем эта способность ему теперь, какой от неё толк? В его нынешнем возрасте он мог бы пожелать что-то другое. Например, хорошую должность, или здоровье до глубокой старости. Так нет же, упустил предоставленный ему случай, пожелал тогда чёрт знает что.

От бессилия Алексей Петрович даже замычал и застонал:

– О, какой я идиот!!! Безмозглый дурак!

Прохожие стали на него тарашиться. И он, не зная, как быть, решил пойти к Кочерьяжкину. Узнать, как у того дела?

Тот был дома, пил водку и поэтому ругался с женой. Или наоборот – ругался с женой и поэтому пил водку. Жена покричала немного и ушла из дома, а Алексей Петрович остался допивать водку. Хотелось

убедиться, что его, Алексея Петровича, могущество каким-то образом повлияло на соседа по огороду.

Но у того всё было как обычно. Кочерыжкин заявил, что в последние дни в его голову косяками прут разные идеи, одна лучше другой. И он должен всё это обмозговать, чтобы реализовать из них самую подходящую.

Алексей Петрович, находясь в неопределённом состоянии, рассказал ему про эпизод с огородной мышью – и чем он закончился. Кочерыжкин сначала смеялся, потом отказывался верить, затем восхищался и придирчиво изучал пятнышки на своей ладони, а в итоге он стал рассматривать Алексея Петровича как проект, посланный ему свыше.

Теперь уже он бегал по комнате, стонал и заламывал руки:

– Да почему же ты сразу ко мне не прибежал?! Я второй по могуществу после тебя – и ничего не знал. О-о!!! Сколько дней зря потеряли. Медлить нельзя, завтра же приступаем. Нет, сегодня...

– К чему приступаем?

– К работе. Да я всю жизнь мечтал встретить человека со сверхспособностями. Ты то, что мне надо! Мы с тобой такое дело раскрутим.

Алексей Петрович встревожился:

– Я ничего раскручивать не собираюсь.

И даже испугался.

– Тебе ничего и не надо делать, только проявлять свои способности. Всё остальное я беру на себя.

Кочерыжкин изложил свой план. Он открывает кабинет мануальной терапии, занимается опорно-двигательной системой. В школе его дразнили кочерыжкой, теперь же он будет доктором Нарышкиным. Алексею Петровичу же отводится роль Ясновидящего Алексия. Устная реклама им обеспечена. Деньги к ним потекут. Они оба выработали стаж на вредном производстве и сейчас временно находились не у дел. Так что мышинный дар очень кстати.

Простота плана пугала ещё больше.

Алексей Петрович активно сопротивлялся, ссылаясь на то, что он не «бельмесит» в медицине и вообще способен видеть внутренности только у женского пола.

– Так это то, что нужно, – заверил его будущий коллега, – мужики тащатся в больницу, лишь когда они при смерти. А кто бегает на разные консультации и диагностики? Одни бабы. А ты поднатореешь в этом деле – лучше врачей будешь разбираться. В общем, всё решено.

Алексей Петрович проклинал ту минуту, когда решил пойти к Кочерыжкину, но он тоже уже был «навеселе» и ещё не относился к этому предложению серьёзно, надеясь скрыться от назойливого «партнёра».

Дома не оказалось ни жены, ни тёщи. Обед не приготовлен, в комнатах не прибрано, что удивило и даже насторожило Алексея Петровича, раньше такого не случалось. Он отправился в огород, но и там их не было.

К вечеру появилась Павлина Спиридоновна. Она выглядела усталой, но преисполненной достоинства, глаза её горделиво поблёскивали, что внушало некоторое опасение.

Павлина Спиридоновна тут же напустилась на зятя, в тоске лежащего на диване.

– Что ты валяешься? Я чувствую, что этом доме меня не накормят. Бездельники! Чем вы занимались, пока я раскрывала преступление?

Оказалось, что Павлина Спиридоновна разыскивала и очень быстро нашла похитителя местной козы, которого вместе с козой безуспешно искали две недели. И теперь тёща предпочитала заслуженно почитать на лаврах, а не заниматься рутинным приготовлением обеда. Когда Алексей Петрович, чувствуя вину и помучившись с полчаса, сумел приготовить суп-пятиминутку, пришла Галина. Она казалась ещё счастливее матери, хотя и хромала.

– Сколько лет мечтала сесть на велосипед. И вот, получилось! Думала, что я домоседка, как ушла с работы, так и состарюсь с венником и кастрюлями. А оказалось, я люблю скорость. Как здорово мчаться по дороге! Правда, на повороте я навернулась и новые штаны порвала...

Про голодного мужа она даже не вспомнила, а тот только вздохнул.

Последующие дни проходили точно также. Тёща, зарекомендовавшая себя в качестве успешного сыщика, устремлялась на поиски похищенных досок, банок с соленьями и трёх куриц. А жена, оседлав старый велосипед сына, гоняла на нём по улицам, что вызывало оживлённый пересуд соседей. Алексею Петровичу ничего не оставалось, как совершенствовать свои познания в кулинарии на кухне. Он убедился, что жена и тёща осуществили свои желания за счёт его могущества. Но ничего не мог изменить.

И вот в один из таких дней на его кухне снова появился Кочерыжкин. Его кисть с пятнышками на коже уже была основательно замотана. Никогда ещё Алексею Петровичу не доводилось видеть столь активного человека. Энергия в нём была ключом. Кочерыжкин схватил Алексея Петровича за плечи и больше уже не выпускал из своих цепких рук. При этом он, не умолкая, говорил. Он нашёл помещение. Прекрасное место. Активная реклама, он обо всём побеспокоился. Народ пойдёт косяком.

Вдруг он побледнел и с ужасом спросил:

– А ты не разучился видеть насквозь?

Алексей Петрович хотел ответить, что разучился, но тут он понял, что после этих слов будет тотчас же задущен, и, вздохнув, сказал:

– К сожалению, нет.

Кочерыжкин подпрыгнул от восторга и пообещал, что их ждёт райская жизнь.

– Немедленно едем туда. А то бабы заточат тебя в кухне окончательно. Буду твоим личным шофёром. Правда, ехать придётся на старой колыхаге.

Ехать пришлось на другой конец их городка. Алексей Петрович забеспокоился, что ему трудно будет скрывать свои поездки от семьи, ведь прежняя работа, куда он собирался вернуться, находилась в противоположной стороне.

– Не дрейфь, кто тебя будет проверять? Жена твоя спятила окончательно, носится как угорелая на велике, ей и дела до тебя нет. Вот разве тёща... но она сейчас носом землю роет, чтобы доказать, какая она крутая. Вообще-то ты умно с ними поступил, развязал себе руки.

Алексей Петрович должен был признать, что тот правильно проанализировал ситуацию, и подумал, что противостоять ему будет непросто. Он ещё надеялся, что у Кочерыжкина мало что получится.

Но когда они прибыли на место, понял, что недооценил организаторские способности своего соседа по огороду.

Выйдя из кочерыжкинской «старой колыхаги», они вскоре очутились в ветхом здании бывшей бани. Когда-то, лет двадцать назад, Алексей Петрович здесь парился. Теперь же Кочерыжкин торжественно ввёл его в небольшой закуток, где деловито сновали два подозрительных типа.

В закутке стояли потёртая кушетка, медицинские весы, стул и столик с тонометром. А в соседнем крошечном помещении вдоль стен – несколько скамеек и вешалка.

Кочерыжкин заявил, что ремонтные работы уже ведутся, и поэтому ему, чтобы расплатиться, пришлось ограбить собственную бабушку. В общем, завтра они открывают свой кабинет. Алексей Петрович ещё пытался слабо протестовать, но он уже осознавал, что Кочерыжкина не остановить. И виной тому его собственное могущество. Тогда он выдвинул условие – маскировка. Он не собирается стать посмешищем всего города. Утешением ему был тот факт, что жертвой Кочерыжкина стала всё-таки жалкая старушка, а не какой-нибудь банк.

На следующее утро на двери их закутка уже красовалась вывеска, а сам закуток был разделён занавеской на две половины. Во второй половине шёл ремонт, там стучали, визжали и скрипели инструменты.

На стенах висели: лицензия, диплом, сертификат специалиста, заключение СЭС о соответствии помещения санитарным нормам, план эвакуации при пожаре и ещё какие-то бумаги, о существовании которых Алексей Петрович даже не подозревал и был всем этим немного подавлен. Признаться, в своей обретенной способности он улавливал нечто постыдное, но благодаря деловому подходу к данному вопросу это чувство улетучилось.

Новоиспечённые эскулапы облачились в подходящее одеяние. Доктор Нарышкин натянул на себя белый халат и шапочку. А ясновидящему Алексию достались сиреневые штаны ниже колена и такого же цвета куцая курточка. Предназначенный для него парик напоминал голову овцы, а накладная бородка всё время съезжала набок.

И тут загомонили, и затопали клиенты. Алексей Петрович едва успел спрятать бородку в воротник курточки и нацепить круглые очки.

Оказалось, что приехала семья, которая привезла на диагностику лишь одного родственника. И это был дедушка.

Доктор Нарышкин крикнул за занавеску:

– Нельзя ли потише? Идёт приём.

Он крутился, как волчок, рассадил всех родственников, с каждым общался, обстоятельно рассказывал о мануальной терапии и о том, какое важное значение имеет сбор анамнеза для установки диагноза. Пока семья подробно перечисляла все дедушкины болезни, Алексей Петрович лихорадочно перелистывал его медицинскую карту, заполненную каракулями врачей. Что он должен разглядеть под клетчатой рубашкой своего немощного пациента? Рубцы на сердце от инфарктов, язву желудка, сосуды, забитые холестерином и хрупкие кости? Он был готов к тому, что его немедленно разоблачат, но родственники слушали его в благоговейном молчании и лишь согласно и печально кивали.

В честь открытия мануального кабинета доктор Кочерыжкин-Нарышкин подарил сыну дедушки бесплатный массаж, а Алексей Петрович в качестве человека-рентгена просветил всю семью. И все были довольны.

Утром следующего дня Кочерыжкин уже ломал голову, как ему рассадить людей. Весь коридор был заполнен желающими попасть к ясновидящему Алексию.

Алексей Петрович стал уставать до изнеможения. Сеансы с женщинами высасывали из него все силы, а с мужчинами ему приходилось изворачиваться и быть в постоянном напряжении. Домой они приезжали уже поздно, и он решил объявить своим, что снова устроился на работу.

Дома была одна тёща. Теперь её «рабочий график» был таким непредсказуемым, что это одновременно и упрощало, и усложняло жизнь зятя. Он, сделав радостное лицо, сообщил ей, что его участок на днях частично запустили, и он туда выходит. Та пожевала губами в раздумье и выгнула их скобкой:

– Что-то быстро открыли? Но это и хорошо. Твоей благоверной нужны деньги, кредит отдавать. Она купила мотоцикл.

Алексей Петрович был повержен этой новостью. Ладно, велосипед. Но представить свою некогда тихую жену верхом на летящем мотоцикле у него не хватало фантазии. Он прошептал:

– А где она?

– У девок из мотоклуба. Что-то там у них с зажиганием. Под старость лет совсем ум потеряли. Огород колом стоит, а у них тусовки.

Да, это была жизнь, совсем не похожая на прежнюю. С утра и до вечера Алексей Петрович с Кочерыжкиным чудодействовали в кабинете мануальной терапии. В кабинете перебивало множество людей обоего пола, некоторых из них он знал. Он уже был готов к тому, что кто-то признает в Алексии знакомую личность или хотя бы заподозрит, или уличит в обмане на мужских сеансах.

Но ничего подобного ни разу не случилось. И глядя в зеркало на свою баранью голову и исхудавшее лицо, он стал сомневаться: «Я это или не я?»

Жену Галину он почти не видел. Она либо скакала на мотике, либо копалась во внутренностях своего «Урала». Но он был в курсе её проблем: цилиндра, пропавшей искры, замены тросика сцепления.

Карьера тёщи неуклонно шла в гору. Она начала заседать в общественных местах и как почётный гость присутствовать на мероприятиях, проводимых школами и музеем, и даже стала своим человеком в местном отделении полиции. Только её сверхзанятость не позволила ей вывести на чистую воду таких отпетых мошенников как доктор Нарышкин и ясновидящий Алексей. Но Алексей Петрович нутром чуял, что рано или поздно Павлина Спиридоновна до них доберётся. Тем более, что случились два обстоятельства, которые могли ускорить это дело. Сначала у них появилась Наташа, недоучившийся врач и красотка. Кочерыжкин оборудовал для неё ещё один закуток. Наташа могла без ошибок написать правильный диагноз и название лекарства. Но более она нужна была, чтобы разрядить обстановку на сеансах с мужчинами и облегчить работу ясновидящему.

Однако Наташа стала утрами ездить с ними на «старой колымаге», что было рискованно, хотя они и отъезжали теперь за квартал от дома Алексея Петровича. Но у Наташи, молодой и хорошенькой, на лбу же

не написано, что она врач, и Павлина Спиридоновна могла сделать неправильные выводы.

Потом Кочерыжкин посчитал, что старушек стало маловато среди их клиентов и им обоим придётся сходить на танцы в местный ДК. Хотя изначально Алексей Петрович был против этой идеи, посещение данного мероприятия изменило его представление о старости, да и вообще о жизни. Когда они там появились, танцы были в разгаре. Особенно выделялся один дедок лет за семьдесят. Он виртуозно вращался всем телом и прыгал, как молодой козлик. Присутствующие дамы, самым молодым из которых на вид было около полтинника, встретили пришедших с большим энтузиазмом. Весь вечер новые кавалеры были в центре внимания. Кочерыжкин порхал от дамы к даме и каждой шептал что-то на ушко. На самом деле он с восхищением рассказывал об ясновидящем Алексии, который детально рассмотрел все внутренности у него и его родных и друзей. Дамы получали ценный совет: немедленно ехать по указанному адресу и записываться на приём.

Алексей Петрович тоже должен был расхваливать мануального терапевта Нарышкина, который вылечил ему больной позвоночник, мигрень, остеохондроз, сколиоз, плоскостопие и невралгию, благодаря чему теперь он может легко танцевать. Но у него не получалось досказать всё до конца. Дама начинала заливисто хохотать. Заражённый её весельем, он тоже смеялся и прыгал, высоко задирая ноги. И даже что-то выкрикивал. Впрочем, как и все остальные. Давно уже он не испытывал такой глуповатой радости.

Слух о том, что такой степенный и семейный человек как Алексей Петрович в компании с Кочерыжкиным зажигал на танцах в ДК, не замедлил расползтись по знакомым. Более того, некая приятельница-доброжелательница прислала Павлине Спиридоновне скандальное видео.

– Срамота, – прокомментировала тёща. – Это ж надо – так выдрючиваться, на старости лет скакать, как очумелые!

Она завздохала:

– Жена в мотоклубе, муж на танцах, огород заброшен. В доме всё пылью покрылось. Куда мир катится?!!

Вдруг глаза у Павлины Спиридоновны округлились, а брови поднялись вверх, что означало: в голове у тёщи начался мыслительный процесс.

– А как ты на танцах очутился, ведь у тебя вечерняя смена? – ехидно поинтересовалась она.

Алексей Петрович что-то пробормотал про одного товарища, который слёзно просил поменяться сменами.

Тут жена Галина, которая чувствовала свою вину в истории с танцами в ДК, выразила желание в следующий раз пойти туда с мужем. Казалось, инцидент был исчерпан, однако Алексей Петрович не был уверен в том, что Павлина Спиридоновна на этом успокоится.

Но всё шло своим чередом. Он диагностировал, Кочерыжкин за занавеской лечил, Наташа работала с клиентами, мило улыбалась им, поила водичкой и заполняла какие-то бланки для придания солидности их предприятию.

Однажды он осматривал женщину и, как всегда, потратил немало сил и энергии и даже взмок под париком и бородкой. Отошёл к окну, чтобы вытереть лицо. А когда повернулся, ожидавшая диагноза клиентка увидела на его лице «ужас ужасный». Должно быть всё плохо, решила она, очень плохо. И от отчаяния закричала страшным голосом:

– А-а-а!!!

Из-за занавески от неожиданности выпрыгнул Кочерыжкин, который делал клиенту лечебный массаж. Перепуганный клиент, решив, что начался пожар, в одних трусах выбежал в коридор, сея панику у ожидавших очереди. В дверях он столкнулся с Наташей, которая прибежала на крик со стаканом воды. Стакана как раз хватило, чтобы облиться. Видя всё это, Алексей Петрович схватился за голову и замычал. Было от чего. Мимо банных окон уже дважды лихо промчалась на «Урале» его Галина. А позади неё деловито подпрыгивала на мотоцикле Павлина Спиридоновна. Было понятно, что настроена теща решительно, но ещё не доработала некоторые детали. Так что сеансы продолжались, у кабинета мануальной терапии всегда была очередь. Алексей Петрович уже привык быть ясновидящим, и ему стало всё равно, кто перед ним: мужчина или женщина. Он ко всем относился одинаково.

Однажды к нему прорвалась бабулька с девочкой и просила рассмотреть в желудке ребёнка булавку, которую её внучка вероятно сегодня проглотила. Никакой булавки он не заметил, но он научился так витиевато описывать то, что видел внутри, что бабулька поняла: она там есть. И на следующий день застёгнутая булавка благополучно вышла из организма, о чём их клиенты тут же узнали. Слава ясновидящего Алексия ширилась, однако сам он всё больше мрачнел. С его пальца постепенно сходили розовые пятнышки, он терял подаренное ему могущество и уже с трудом различал внутренние органы.

Но он ничего не сказал Кочерыжкину, который ведал их кассой. Деньги действительно к ним текли. А Кочерыжкин постоянно твердил, что они уходят на погашение кредитов, которые он брал на развитие общего дела. И выдавал только незначительные суммы на еду. Тем более, что теперь надо было учитывать и долю Наташи. Алексей

Петрович даже не расплатился за мотоцикл и не был уверен, что сможет это сделать.

Кочерыжкин оказался вовсе не таким дураком, как он думал раньше, и надо было признать, что он, Алексей Петрович, попал под его власть. Власть расчётливого и безжалостного человека. Но задумывать и осуществлять ещё какие-то планы у него не было сил.

Его сосед по огороду сам догадался, что время их могущества истекает, и пытался выжать из этой ситуации максимум пользы, увеличивая клиентуру. Они собирались ещё раз сходить куда-нибудь на танцы, но не успели.

Закончилось всё просто. В один из дней возле бани остановилась полицейская машина, из неё вышел человек в форме. Он галантно подал руку даме, сидевшей в автомобиле, дамой оказалась Павлина Спиридоновна. Они вышли и решительно направились к входу в здание.

Через несколько минут они уже стояли в закутке, где по стечению обстоятельств оказались вместе Наташа и Алексей Петрович. Наташу с утра мучила изжога, и она попросила коллегу её посмотреть. Коллега был весьма смущён, от его дара остались лишь крохи, и он, не зная, как выйти из положения, растерянно держал девушку за руку.

В это мгновение перед ними и возникли суровый представитель закона и торжествующая Павлина Спиридоновна.

– Как романтично! Вот, значит, где находится твой цех! – воскликнула тёща и обратилась к стражу порядка. – А это та самая девушка, которая каждое утро ездит сюда в машине с моим зятем. Я думаю, здесь они и изготавливают наркотики.

У Алексея Петровича сам собой изумлённо приоткрылся рот, от неугомонной Павлины Спиридоновны он ожидал всякое, но только не это. Пока он что-то мыкал, пытаясь объяснить, что они оказывали лишь медицинские услуги, Павлина Спиридоновна щёлкнула телефоном и тут же отправила снимок зятя с Наташей его Галине, которая находилась с друзьями из мотоклуба в окрестностях лесопарка.

Оказывается, как ёмко время! Эти минуты стали позорным концом деятельности Алексея Петровича и началом славы Павлины Спиридоновны и жены Галины. Получив от матери цифровое свидетельство неверности мужа, Галина в порыве чувств оседлала свой «Урал» и помчалась искать утешения в скорости. Неожиданно для себя она перелетела на мотике через широкий и глубокий овраг к восхищению многочисленных свидетелей. Уже к вечеру она стала звездой, так как про обманутую неверным мужем, но отважную женщину рассказали и показали по местному телевидению.

Что касается Павлины Спиридоновны, то её звезда зажглась ещё ярче. Выследив зятя и желая уличить его в измене, она разработала целый план с привлечением полиции. Но на любовную интрижку полиция не поведётся. И тёща придумала про наркотики.

Правда, никаких наркотиков не нашли, а обнаружили лишь следы деятельности по оказанию медицинских услуг. Как оказалось, услуги не соответствовали необходимым требованиям. Все документы для открытия мануального кабинета оказались подделкой. Мануальный терапевт не имел соответствующего образования и был весь в долгах, он задолжал даже за аренду и не заплатил за ремонт. Для Алексея Петровича он всё же оставил записку: «Верну. Не поминай лихом».

Так что Павлина Спиридоновна, сама того не ведая, разоблачила мошенников в «белых халатах». Хотя белый халат был лишь один, и владелец его испарился одновременно с появлением полицейской машины, освещению этого дела вначале был придан такой размах, как будто это был не жалкий кабинет с занавеской, а целый преступный синдикат.

Но ни одной жалобы на врачей не поступило. Разбираться с долгами Кочерыжкина предоставили право самим кредиторам. Алексей Петрович уже никого не мог удивить своим былым даром. И вся эта история как-то незаметно сдулась.

Но авторитет Павлины Спиридоновны только вырос. Когда стало известно, что Кочерыжкин исчез со всеми заработанными ими деньгами, тёща припомнила, что ещё при первом появлении зятя в качестве жениха она поняла, что толку от него не будет.

Несмотря на это, Алексей Петрович быстро помирился с женой. Когда она, всё выяснив, спросила, почему же он сразу ей всё не рассказал, он не смог ответить.

Измучённый и даже напуганный теленовостями о матери и бабушке, приехал из соседнего города женатый сын. Но никаких глобальных перемен в семье родителей он не обнаружил. Галина теперь всё чаще бывала дома, и он наполнялся вкусными запахами свежей выпечки. Вскоре она задумала сшить новые шторы и вообще заняться рукоделием. А мотоцикл как был поставлен в гараж, так и стоял там, и уже появились желающие его купить.

Павлина Спиридоновна, напротив, часто отсутствовала, так как была занята общественной работой. И у неё оставалось всё меньше времени контролировать дочь и зятя. К розыску пропавших животных и предметов она тоже охладела. Когда её попросили найти памятный кулон, она заявила, что стара стала для таких дел. И, поправив кокетливую шляпку, отправилась на встречу с ветеранами труда под ручку с бывшим участковым Николаем Николаевичем.

Про Кочерыжкина ходили слухи, что он купил крутую машину, на которой и уехал, то ли один, то ли вместе с Наташей. И якобы кому-то он сказал: «Мы ещё посмотрим, кто из нас кочерыжка?»

Его жена продала огород. Новым владельцем стал Михалыч, человек неторопливый, уравновешенный, совсем не похожий на Кочерыжкина.

Прошла зима с долгими вечерами, раздумьями, затяжными болезнями.

Окрепнув после болезни, Алексей Петрович почувствовал, как к нему возвращается ясность сознания, какое-то спокойствие и желание быстрее войти в колею привычной жизни. Теперь он тот, кем был прежде, до полученного им дара. И даже в весенний огород он шёл с необъяснимой радостью.

На соседнем участке новый владелец уже поставил лавочку и сейчас сидел на ней. При виде соседа Михалыч радостно замахал рукой, чтобы тот зашёл к нему. Когда Алексей Петрович присел рядом, Михалыч приобнял его, огляделся по сторонам и таинственно прошептал:

– Я на днях лягушку сонную откопал, ты не поверишь!!! Тут такие дела затеваются...

Татьяна ДЕНИСОВА
(Междуреченск–Новокузнецк)

Наедине с ПУСТОТОЙ, или Р96

Каждое утро Старик приходил к обрыву и серыми выцветшими глазами жадно ловил бирюзовый восход Звезды, которая поднималась неровно, с короткими промежутками, возвращалась на прежнее место на горизонте, оставляя светящийся шлейф, повторяла траекторию восхода несколько раз. Если непрерывно смотреть, то казалось, что восходящее светило дрожит, атмосферные слои молодой планеты искажают и не дают возможность плавному движению светового диска. Ощущение, что каждый день Звезда собирается с силами, борется и, наконец, концентрирует все свои неудачные матрицы в один полноценный диск над горизонтом, расцветив небо лимонно-рубиновым светом.

Тогда он садился в плетёное кресло, ножки которого утопали в траве, кутался в колючий клетчатый плед и погружался в воспоминания, изредка наблюдая за горизонтом. В растянутом кармане старого вязаного кардигана нащупывал тонкую тетрадку и успокаивался. Тетрадные листы пожелтели со временем, помялись от постоянного перелистывания. Чайные кляксы придавали страницам одушевлённый вид, рассказывая о прожитых днях автора.

Старик знал каждое слово, даты. Только не помнил, как эта тетрадь попала к нему в руки: то ли нашёл в кабине звездолёта, то ли в «хижине».

-1-

24 февраля 2054 г.

Кажется, я вляпался. В лаборатории нас осталось трое: я, Кирилл и Вадим Игоревич. Остальных вчера отпустили домой. Сказали на «двухнедельный карантин».

Пока не чувствую никаких симптомов. Разрешили гулять по коридорам института, выходить в ботанический сад, следить за своим состоянием и всё записывать в тетрадку шариковой ручкой. Я впервые её увидел. Хорошо, что пользуюсь планшетом для рисования. Кирилл вообще никогда не писал. Он вирусолог, кандидат наук. Это направление ближе к фантастике, чем к реальности. Кирилл в основном работает с электронными микроскопами. Шариковая ручка и трансмиссионный микроскоп рядом не стояли.

Вадим Игоревич попытался по такому случаю востребовать для себя автоматическую ручку Ripple от итальянской компании Visconti, или, на худой конец, перьевую ручку и чернильницу-непроливайку. (Надо же, запомнил эти названия). Оказывается, уже лет сорок такими приборами для письма никто не пользуется.

Для меня писать рукой очень непривычно, но это условие эксперимента.

Спим в гостиничных номерах на тридцатом этаже. Туда же поднимают завтрак, обед и ужин. Контактлируем только с молчаливым роботом-секьюрити. Теперь он обслуживает нас троих. Два раза в день по видеосвязи с двойным шифрованием разговариваем с Шефом.

25.02.2054 г.

Сегодня нас изолировали. Подозрение на какую-то ментальную заразную болезнь. Вирусы разрабатывались в нашем Институте здравоохранения нации. Но что-то пошло не по плану. Человек не так чувствителен к новым штаммам, как лабораторные животные. Я первый заметил, что мартышки в клетке стали вести себя тревожно. Потом в письменном виде передали через меня требование – «всех выпустить в джунгли!» Откуда они знают про джунгли? Ведь они родились в неволе, в стенах нашего Института.

Шеф сказал, что это моя «чистая фантазия». Однако листок с требованиями положил под ключ в сейф. Обезьянник закрыли. Попасть в него может только обслуживающий персонал, а нам, научным сотрудникам, вход запрещён.

У меня постоянно болит голова, но температуры нет. И что-то в груди. Я бы определил – совесть. Ведь я переживаю за мартышек и не могу ничем помочь. Скучаю по дому и родным. Взяли кровь на анализ, результаты будут через три дня. Лаборант, который брал анализы, был в костюме химической защиты. Зачем, не понимаю?

Кирилл отказывается вести дневник. Постоянно стучит по любой поверхности. Уже получается легко узнаваемый ритм. Хоть музыкой это не назовёшь. Знаю, что в детстве он мечтал стать барабанщиком.

Вадим Игоревич перестал бриться и начал писать стихи. Попросил гусли. Чувствую, что скоро у нас будет жарко.

26.02.2054 г.

Ночью сплю три часа. Высыпаюсь. Кирилл и Вадим Игоревич не выходят из своих комнат. Хоть думаю, что это не поможет, мы под одним колпаком с начала карантина.

Кирилл перестал стучать. Загрузил онлайн-синтезатор. Сочиняет музыку в наушниках. Начал писать стихи. Вот одно из них.

Столкнулись две галактики,
Погасла солнца свет.
И млечные туманности
Оставили лишь след.

В галактике далёкой
Зажгутся вновь огни,
Здесь станет одиноко,
Ты память сохрани.

Не стану оценивать подобное, не специалист. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось. Пусть себе сочиняет.

Вадим Игоревич стучит по гуслиам. Мартышки шумят.

27.02.2054 г.

Снова ночь провёл за тетрадкой. Мышцы правой кисти уже не болят, стали крепче. Это и понятно, раньше ничего тяжелее «мышки» в руке не держал. По ночам в голову приходят странные сюжеты, как картинки в фильме. Пытаюсь их записать. Сегодня ночью часа четыре со мной рядом «сидело» фантастическое существо и диктовало историю про себя. Никогда не любил читать фантастику, а тут увлёкся. Делать-то всё равно нечего.

Кирилл перестал заниматься «музыкой», перешёл полностью на сочинительство. Хотел рисовать, но запретили, зная его безудержный темперамент. Хоть вредно для психики человека «перекрывать кран» творчеству.

Вадим Игоревич разобрал гусли и что-то химичит в лаборатории. Так что в нашем крыле института тихо, можно поспать. Мартышек не слышно. Говорят им дали книги. Что они с ними делают? Не знаю.

28.02.2054 г.

Сегодня закончил повесть «Над пропастью не ржи».

Фантасмагорический триллер про ситуацию в нашем институте. Все герои реальные, имена изменены.

Нам позволили обедать вместе. Значит, ничего страшного с нашим здоровьем не происходит. Возможно, скоро снимут карантин.

Кирилл за обедом сказал, что написал симфонию и музыку к стихотворению «Две галактики». Настоял, чтобы ему принесли краски и холст. Хочет изобразить слияние галактик.

Вадим Игоревич распилил гусли и склеил шахматную доску. Договорился с нами, что если на ужин дадут сыр, мы ему отдадим для шахматных фигур.

29.02.2054 г.

Пришли результаты анализов. Вернее, всё это было известно вчера, но наши учёные мужи разрабатывали стратегию, что делать с нами.

Мы все трое подхватили Вирус Одарённости, который культивировался в нашем Институте. Надеюсь, что заразились только три научных сотрудника, институт сразу же закрыли. Нас изолировали, но вирус распространился на весь город и пригороды. И разнесли его, предположительно, работники нашей лаборатории. Ведётся служебное расследование, и одновременно проводятся противовирусные мероприятия.

Мы уже обрадовались выйти на волю. Но было решено сделать нас подопытными, раз уж находимся здесь, проверить на людях противовирусную вакцину, которую раньше кололи мартышкам.

1 марта 2054 г.

Кирилл охладел к музыке. Для него открыли тренажёрный зал, где он пропадает весь день. На этот раз у него проявилась физическая одарённость, как у атлетов и гимнастов. И это при росте два метра пять сантиметров. Выглядит мощно и удручающе.

Вадим Игоревич разыграл сложную партию в шахматы. Сготовил сырный суп и занялся разработкой рецептов тортов.

Я впал в отчаяние – осознавал интеллектуальную, социальную, нравственную, эстетическую ответственность перед читателями моей повести. Имею ли я право раскрывать тайные смыслы работы Института здравоохранения нации? В Вирус Одарённости я не верю. Одарённость всё же это Дар Бога, или генетика, но не болезнь. Ничего не могу с собой поделаться, продолжаю писать роман.

Март 2054 г.

Какой день, не знаю. Экзистенциальные переживания выбили меня из жизни на несколько дней. Потерял связь с реальностью. Не интересует ничего. Мой внутренний Мир разрастается, усложняется. После приёма антивирусного препарата – рухнет. Я остаюсь голым перед своей совестью. Я – ничто. Мир вокруг меня – плесень. Я не могу никому ничем помочь.

Март 2054 г.

Я – ничтожество. За несколько дней и ночей мной написаны двадцать один рассказ, роман и повесть. Шеф сказал, что по одной из рукописей создан сценарий фильма, остальные пошли в печать как результат эксперимента влияния на человека ВО (Вируса Одарённости). Авторство в данном случае не важно. Придумали творческий псевдоним Р96. Всё, я потерял как личность. Думаю, что я девяносто шестой в шеренге подопытных существ этого нечеловеческого эксперимента.

Кирилл разбит параличом, он оглох, так и не услышав свою симфонию в исполнении оркестра. Песня «Слияние галактик» не написана, картина не создана. Вакцина действует особенно жёстко на мультиодарённых людей.

Вадим Игоревич держится молодцом – вызвался добровольцем на борьбу с эпидемией. Если честно – решил откосить от вакцинации, изображая гражданскую активность. И это доктор философских наук, мировое светило!/? Может, ему повезёт, и последствия будут не такими тяжёлыми, как у Кирилла.

На мне лежит груз нереализованных задач. Моя гениальность давит. Ведь это непросто – стать полноценным писателем за несколько дней. Я подал заявление в Международный союз писателей и Евразийский союз работников культуры. Но мне отказали. Сейчас очень много претендентов. В комиссии не успевают ознакомиться с только что созданными произведениями, дать им оценку с точки зрения художественности языка и других профессиональных критериев. Просто всплеск одарённости не только в писательстве, но и в других сферах деятельности.

Середина марта 2054 г.

Сегодня Вадим Игоревич записал меня в волонтеры. Выйду из института и сразу же – на передовую борьбы с эпидемией. Что меня ждёт, не знаю?

Дневник заберу с собой, хоть это документ и его нельзя выносить за пределы института. Мне надо осознать, что произошло с нами.

-2-

Старик не был знаком с этим человеком. Но, кажется, видел на заброшенном космодроме похожего учёного-«писателя». Туда в последнее время приходили многие неустроенные и непризнанные гении в надежде улететь с Земли, убежать от себя и найти применение в других мирах. То, что единственный космолёт, готовый к эвакуации жителей Земли, давно не обслуживался и стоял на приколе как экспонат, никого не беспокоило. «Писатель» что-то говорил про гуманистические задачи развития одарённости у людей. Что из искусства будет полностью убран даже намёк на интеллект. Люди, получившие Вирус Одарённости, будут мастерски удивлять техникой создания высококачественных произведений искусства. В любом возрасте. У них не будет времени на сомнения, что есть добро и зло, прекрасное и безобразное, возвышенное и низменное, трагическое и комическое. Они будут погружены в творческий процесс и полностью удовлетворены своей жизнью.

Тогда Старик, помнится, подумал: «Вот идеальное стадо конформистов». Но никто не знает, какой побочный эффект в организме после этой

болезни? Как действуют антитела Одарённости хотя бы в недалёком будущем? Вопросы, вопросы, вопросы без ответов.

Разворачивающийся восход Звезды отвлёк от мыслей о Дневнике. Это было красивое и необычное зрелище: сначала верхушки гор по краю каньона становились насыщенно лилового цвета, в глубине которого зарождался трепетный карминовый цвет. Вибрирующие всполохи лимонного и бирюзового цвета оптически смешивались, превращаясь в изумрудный, который звучал как бубенцы, светло и звонко. Старик ждал, когда тонко пронзится луч жёлтого светила, соединив в себе все фантастические переливы подготовки его появления. Но этот момент был неуловим: по всему горизонту начинало разливаться светло-бирюзовое свечение, как будто смотришь на мир сквозь бутылочное стекло. Жёлтый диск, который так ждал Старик, становился рубиновым, как будто в него капнули вишнёвого ликёра. И долина, и острые гребни гор на горизонте каньона погружались в таинственный сумрак. Дождавшись такого «нелепого» восхода, Старик в сердцах разворачивался и уходил в свою «хижину», кутаясь в старый, выдавший виды вязаный кардиган. Брошенный колючий плед оставался дожидаться его в плетёном кресле на краю обрыва.

Ботинки с магнитной подошвой, которые он надел ещё там, на Земле, были тяжёлыми и лишними на этой планете, но он с тупым рвением донашивал всё, что было на нём три года назад. Вернувшись в дом, который он называл «хижиной», закрывал двери и окна, отгородившись от ненавистной чужой природы. Брал из шкафа-доставки завтрак – кружку горячего шоколада и хрустящие слайсы с беконом и шпинатом. Потом готовил бумагу, краски и рисовал земные пейзажи: фантастические восходы и закаты, которые врезались в память из земной жизни. Будь он сейчас на Земле, с каким бы удовольствием и рвением рисовал необычные восходы этой молодой планеты, считая их прекрасной фантазией.

– Если бы я был учёным, наверняка заинтересовался природой этой планеты, – думал Старик, – но я случайный пассажир, трус – и место мне не в этом Раю. Моя жизнь – недоразумение, поэтому лучше жить прошлым и надеждой вернуться на Землю.

События, описанные в Дневнике, болезненно отзывались в его воспоминаниях. Ведь он тоже столкнулся с непонятным проявлением способностей у себя, у родных и знакомых. Никогда не думал, что одарённость может быть выведена как вирус. Да и зачем?

Проходя медицинскую комиссию три года назад, столкнулся с запретом вылета на санаторную экзопланету.

– На карантин, батенька, на карантин! – тыча пальцем в результаты анализов на мониторе, прошепелявил врач.

– А может, обойдётся, доктор? – с надеждой спросил Роман.
– Минимум на четырнадцать дней с последующей сдачей анализов.
– Доктор, ну не могу я оставить свою работу. И чувствую себя нормально, – Роман не понимал, что могло обеспокоить в его здоровье.

– Степень нормальности, батенька, относительна, – доктор направил бикуляры, взглянул маленькими цепкими любопытными глазами. – Вот вы чем занимались в последнее время?

– Дописывал повесть, – Роман не хотел откровенничать. Пусть будет повесть. О том, что закончил пару-тройку рассказов и готовил к печати, решил не говорить. Да и про издателя, который торопит с фанфиком про троллей, тоже смолчал.

– Повесть? – доктор отвёл глаза и стал перещёлкивать медицинские карты на мониторе. – И как давно занимаетесь писательством?

– Полгода почти, – Роман понимал, что врёт безбожно. Всего-то две недели. Что-то вдругхватило, как простуда и не отпускает ни днём, ни ночью. Даже пришлось съехать на дачу, чтоб домашним не мешать. Ведь дома жена картины рисует. Без остановки. Сначала пальцами рисовала на обоях. Ладонью, как ребенок. Когда рулон старых обоев закончился, накупила бумаги, холстов, краски. Потом прочитала в интернете, что кисточкой можно рисовать. Или выдавливать краску из тюбика и размазывать строительным шпателем.

Работу забросила. Все деньги истратила. Нашла «Общество анонимных художников», где не только получила поддержку, но и нашла покупателей. Вот уже неделю продаёт картины и на вырученные деньги покупает холсты и краски. Какое-то безумие. Роман бы такие картины ни за что не купил. А в «Обществе анонимных художников» она уважаема и её картины в большой цене.

– Доктор, зачем на карантин? Я и так живу на даче, вдалеке от всех.

– Я бы предложил вас положить в стационар. Чтоб получать лечение под присмотром медсестёр и медбратьев. Но мест нет. Катастрофически не хватает койко-мест, батенька, – всплеснул руками доктор.

– От чего же так? Эпидемия, что ли?

– В стационар кладём только с опасной степенью одарённости. На грани психической формы заболевания. А вы, батенька, ещё держитесь, – доктор внимательно просматривал карточку. – Говорите, что один роман заканчиваете? Да и ни с кем не общаетесь? Пожалуй, оставлю вас на вашей даче. Где она находится?

– В Молчалкино. Общество «Proofreader and Editor»¹.

---

¹ *Корректор и Редактор.*

– Да вы что? Это же рассадник заразы! Срочно госпитализировать! Вы меня расстроили, батенька, – доктор что-то стал быстро набирать в карточке Романа на мониторе и нажал на кнопку под столом.

Два дюжих бугая с тупыми рылами ввалились в кабинет и встали у Романа за спиной.

Ну, думаю: «Я пропал! Пропало моё вдохновение! Пропали мои публикации!»

– Доктор, – взмолился несчастный писатель, – сколько продлится эта болезнь?

В голове Романа зрел план, как избежать экзекуции, – к чёрту лететь с этой планеты, запасной космолёт стоит на заброшенном космодроме.

– Через семь дней ваше вдохновение растает как страшный сон. Вы станете среднестатистическим обычным человеком. Ещё пару дней на снотворных и с писательством будет покончено. В лучшем случае, вы станете добропорядочным потребителем. В худшем – увлечённым читателем. И никаких Новых Миров, Божественных Откровений, батенька. Всю бумагу – в стол или лучше – в костёр!

Старик помнил, как лихорадочно подсчитывал в голове: «Семь дней, а космолёт, который стоит на площадке заброшенного космодрома, собирались испытывать через пять дней». Ну что же, значит, без него будет совершён пробный полёт. А ещё стало обидно, что через неделю выздоровеет и станет «среднестатистическим читателем». А он-то уже ощутил себя ну если не гениальным, то одарённым писателем. Неужели даже мысли не останется сесть за стол и дописать все истории, про которые он доктору не рассказал?

Рядом с мощными медбратами он казался себе потерянной планетой, ничтожной в своих помыслах.

А жена? Как же она будет жить без своих картин? А куда денутся общества «Профессионалы мыловарения», «Любители свечей и свечных традиций», «Клубы любителей вокала», «Мастерские гусельного искусства», всевозможные «Гитарные клубы», творческие объединения шахматистов, танцоров, скульпторов, поэтов, писателей? Растворятся в дымке времени? Будут ли они помнить и скучать по своим внезапно открывшимся способностям? Или забудут о них и продолжат, как прежде, ходить в магазин, делать сэлфи, варить щи-борщи, отдыхать на Гавайях, заказывать постеры через нейросеть, слушать песни, состоящие из двух строчек, чувствовать себя ничтожеством и изображать из себя элиту.

Роману стало печально до слёз. И безразлично, что с ним будет. В кабинете наступила тяжёлая, вязкая тишина. Доктор внимательно смотрел на пациента поверх очков и, кажется, стал что-то понимать.

Отослал медбратов. Как только двери кабинета закрылись, ему захотелось отвести душу, поговорить.

– Вы уж не обессудьте, радею за вас, батенька. Вирус Одарённости, что тебе «пляски святого Витта», захватывают весь организм без остатка. Даже мы, доктора, получившие прививки от одарённости, циники и материалисты, начинаем безумно то марки собирать, то подстаканники. Не бог весть, какие увлечения, до одарённости далеко, как бухгалтеру до шахматиста. Сначала грешили на утечку штамма из лаборатории Института Здравоохранения Нации. А потом оказалось, что та бацилла – это цветочки – перестраховка вирусологов, или предвосхищение ожидания неизбежного. Реальная опасность снизошла от приблизившейся к Земле кометы P96. И не первый раз она пролетает. Ничего подобного раньше не было. А может, и было? Всплески возрождения культуры и искусства, а? В разные века. Недоглядели учёные и астрономы? Теперь-то мы знаем точно, что метеоритный хвост кометы P96 пролетит и эта бацилла улечитя. Вирус больше четырнадцати дней не живёт на Земле. За это время нам бы людей не потерять. Ведь некоторые, особо восприимчивые к одарённости себя изводят – рисуют, танцуют, поют, картины пишут, стены пачкают – создают художественный продукт. Непризнанные погибают или сходят с ума, другие растрчивают все сбережения. Спасаем, как можем. Даём снотворное. Со временем всё забудется и человек будет как новый. С чистого листа жизнь свою начнёт.

– Доктор, а может быть, не спасать их? Пусть хоть раз в жизни почувствуют вдохновение, проявят свои способности, порадуются и других порадуют?

– Да никому не нужны эти ваши достижения. Никому. Себя потешить? Ну, ну. Есть же дежурные писатели, певцы, танцоры – признанные, на зарплате. На их фоне, конечно, каждый может подхватить Вирус Одарённости и зазвездиться. Просто так, безвозмездно. А потом раз – и это проходит, как насморк. Пустота, невостребованность.

– Доктор, у меня жена в «Обществе анонимных художников». Ведь эти объединения по интересам останутся? Их же никто не отменит? Пусть бы там они и общались. Ведь человеку нужно даже не признание. Человеку нужен человек. А метеоритный хвост, может, ещё не раз прилетит и принесёт другие вирусы. Например, добра и любви.

– Ну, вы, батенька, выдумщик. Идите уже, пишите свой роман, только без фанатизма. И как закончите, не бейтесь головой в двери издательств, а положите его глубоко в стол и живите спокойной жизнью. Кстати, на вашей даче не завалились какие-нибудь подстаканники? Буду очень признателен.

Как и было обещано, острая тяга к писательству вскоре прошла. Наступило выздоровление. Старик знал, что время, когда комета Р96 приблизилась к Земле, в истории назвали «сумеречным периодом». Космическое тело размером в шесть километров неукротимо надвигалось по вытянутой орбите, сопровождаемое огромным хвостом биполярной туманности.

Учёные ломали головы, как предотвратить столкновение кометы с Землёй. Но время играло роль анестезии. Ничего не придумав, люди сначала научились жить в хвосте кометы, отбрасывающей тень на Землю. Постоянные сумерки напоминали полярную ночь в северных широтах.

Земляне строили планетолёты, готовые взять на борт как можно больше людей – эвакуировать значимых жителей Земли, чтоб в другом месте начать жизнь с нуля. Хоть неизвестно было, где смерть будет быстрее – в космосе или на Земле.

В один момент комета Р96 «поглотила» Землю. Космическая энергия влилась, вплавилась в атмосферу Земли, грунт и в ДНК людей. Всё изменилось, и возврата к прошлому не стало. Технологии Земли стали доступны коллективному разуму Р96, а особые способности, про которые земляне даже не догадывались, стали обычными для людей.

Старик помнил, что когда-то в прошлые времена были стремления покорить космос, построить корабли для звездоплавания за пределами Земли. После соединения Земли с Р96 каждый мог путешествовать по галактикам, не вставая со своего дивана. Телефонная связь стала не нужна, ведь любой мог использовать не только телепатию, но и мыслеформы.

Автомобили, самолёты пришли в негодность, потому что люди перестали ими пользоваться, левитация стала повсеместным способом передвижения. Миллионы ненужных механизмов ржавели на свалках. Ими интересовались только местные «Кулибины».

Старик когда-то был учителем истории. В сельской школе приходилось преподавать и географию, и литературу. Поэтому интересовался всем, фиксировал события, делал зарисовки того, что было ему интересно.

Момент слияния Земли и кометы Р96 он назвал «эпидемией одарённости», потому что внезапно, в один момент люди почувствовали тягу к «особенному»: проявлять сверхчеловеческие способности, влиять на природу, предчувствовать события. Дети, только начав ходить, стремились танцевать, выполнять сложные акробатические движения. Двухлетние малыши сразу говорили предложениями, читали, сочиняли стихи, короткие сказки, наполняя глубоким смыслом.

Взрослые, наблюдая необычное развитие, доверились ситуации и пустили воспитание и обучение детей на самотёк, а сами окунулись в пучину творчества.

Профессиональные художники и музыканты поначалу обрадовались, что зрители и слушатели стали обладать профессиональными знаниями, ожидая, что эти люди по достоинству оценят их творчество. Но новые «создатели» были талантливей известных уже авторов. Им не нужно было преклоняться перед мэтрами искусства. Они сами в короткий срок начали создавать новую живопись, новую художественную литературу. И почитателей у них было столько, что старым мастерам и не снилось.

Образование как деятельность стала не нужной. Каждый знал то, что хотел знать. Всю информацию и школьники, и взрослые люди черпали из «информационного поля», напоминающего чем-то интернет-ресурс, которое было разлито в атмосфере Земли.

Смысл научной деятельности, изучение «непознанного» стал неактуален. Стоило задать вопрос в пространство, как тут же приходил точный ответ. В короткий период были проверены все абстрактные и научные гипотезы, написаны теории, которые стали для ума учёных элементарными и не интересными.

Именно учёные поняли, что комета Р96 – Монстр, который уничтожает когнитивную сторону разума человека, оставляя эмоционально-образную.

Ничего не нужно было создавать, ничему не нужно было учиться, ничто не надо было возделывать. Все блага были преподнесены каждому человеку на блюдечке. Даже пища поступала в организм по каким-то невидимым каналам, подобно пране.

Старик вспоминал, что тогда он пытался понять, почему Р96 поделилась такой благодатью с Землёй и что забрала себе? Но эти мысли были мимолётными, не жизненно необходимыми, ведь он сам в короткий срок получил Дар – стал известным писателем, а его жена талантливой художницей. И только годы спустя, когда Комета Р96, просочившись сквозь все слои Земли и каждого живого существа на ней, внезапно улетела дальше в свою Галактику, человечество осталось наедине с ПУСТОТОЙ.

Некоторое время, пока влияние Р96 ослабевало, у людей затухали способности, которые уже стали смыслом их жизни. Появилась апатия, раздражительность, депрессия. Желание рисовать, музицировать, самовыражаться пропали.

Исчезнувшая комета Р96 своровала все технологии Земли. Даже свалки самолётов, машин, оружия прихватила. Оставив горы никому не нужных холстов, новоиспечённых книг, инсталляций, не имеющих уже никакого смысла.

Большинство людей за это время разучились себя обслуживать, строить дома, механизмы. Осталось одно разочарование, беспомощность на уровне инфантильности и физическое недомогание, как после простуды.

Во время отрыва Р96 от Земли, Старик был на заброшенном космодроме у однокашника. Войдя в никому не нужный космолёт, он задраил люк, расположился в кресле пилота, представляя себя космическим путешественником и, кажется, заснул. Комета Р96 прихватила его вместе с космолётом, который приняла за металлический хлам, перенеся на небольшую планету с бирюзовым небом. Иногда Старик думал, что Р96 может быть не комета, а инопланетный корабль, обитатели которого до сих пор заботятся о нём.

Наталья ТАРАСОВА
(Новокузнецк)

Чудо

– Динь-дилинь! – известил звон колокольчиков о приходе нового посетителя. Сморщившийся старичок остановился в проходе, разглядывая дверные колокольчики с красными кисточками и китайскими монетками.

– Ничего себе, – воскликнул он. – Таких уже сто лет как нигде нет.

– Ну так это же ретро-лавка, дедушка, – приветливо ответила молодая продавец. – У нас и не такой антиквариат есть.

– Да-к я вот зачем пришёл, голубушка, – гость аккуратно закрыл дверь и засеменял к стойке продавца. – Мне бы плеер кассетный. – Он посмотрел на полки со старыми гаджетами и трясущейся рукой указал на одну из них. – Типа вон того.

– Одну минуту.

Продавец установила стремянку перед стеллажом и ещё раз мельком взглянула на посетителя. На вид дедуле было не меньше 90 лет, а может, и больше. Во времена его юности кассетные плееры как раз были в ходу.

Пока девушка искала товар, старичок разглядывал сокровища из прошлого за стеклянной витриной.

– О, тамагочи лежат, – указал он на кучку разноцветных яиц с экранчиком. – Батюшки, кассетный видик!

«Седина в бороду, а удивляется как ребёнок», – подумала продавец.

– Я ведь не для себя беру, – снова послышался старческий голос. – Все эти вещи пробуждают в нас давно забытое. Может, и в сердце моей старушки откликнется что-то. А то ведь и меня скоро забудет. – Эти слова он произнёс почти шёпотом.

Рука девушки на секунду замерла на плеере. В груди будто что-то дрогнуло. Хотела бы она найти нужные слова, но в голову ничего не приходило. Сделав вид, что не расслышала, она поспешила спуститься вниз и передать товар клиенту.

– Ой, спасибо, милая, – морщинистое лицо просияло улыбкой. – Как сейчас помню, мы с моей старушкой слушали на таком музыку, возвращаясь домой после школы. – Какие ж певцы тогда были модные... Иванушки? Или Алёшеньки? Забыл, дурень!

Старичок рассмеялся и бережно положил плеер в карман куртки за пазухой, будто это был не кусок обшарпанного пластика, а драгоценный металл.

После того, как гость ушёл, Ася долго думала о его словах и том чувстве, что она испытала. Раньше она не замечала за собой особой эмпатии к кому-то. Она просто выполняла своя работу. Но это чувство будто застигло её врасплох.

Размышления прервал сигнал уведомления на мобильном. На экране появилась надпись «Новый комментарий к вашей записи».

«Опять, что ли, спамят курсами о заработке», – подумала Ася и нажала на значок уведомления на экране.

«Зачем вы воруете фото моей бабушки и изменяете в нейросети?» – писала некая Елизавета Вайсс.

«В смысле, ворую? – нахмурилась Ася. – По возрасту мне до бабушки ещё далеко».

Она хотела проигнорировать обвинение, ведь никаких фото она никогда не воровала, а нейросети вообще терпеть не может. Наверняка это какой-то обман, чтобы человек зашёл на страницу автора комментария и увидел там кучу рекламы, сулящей успех.

Однако любопытство оказалось сильнее, и через минуту Ася уже просматривала профиль незнакомки. Лента пестрила фотографиями насыщенной жизни женщины. Вот она на лыжном курорте, вот позирует на лазурном берегу, а дальше идут несколько семейных праздничных фото. В ворохе счастливых лиц Ася наконец-то отыскала то, что нужно. На фото с надписью «Поздравляю свою любимую бабулю с 85-летием!», Елизавета позировала с милой старушкой, держащей букет белых цветов.

Девушка внимательно посмотрела на именинницу. За сединой и морщинами трудно оценить сходство, к тому же глаза карие, а не синие, и родинка на правой щеке отсутствует. Да что там говорить, Асе ведь всего 24 года, а бабуле 85! Зачем ей фотошопить фото чьей-то родственницы и выдавать за своё, скажите на милость?

Ася пролистала ленту дальше, и от увиденного её брови взмыли вверх. На фотографии была молодая девушка, почти как две капли похожая на неё. «Бабуля в молодости, 2021 год», – гласила надпись.

Продавец соскочила с места и подбежала к зеркалу, не выпуская из рук телефон. Она внимательно посмотрела на себя, затем на фото на экране. Действительно выглядело так, будто их внешность немного изменили в каком-то редакторе. Тёмно-каштановые волосы Аси перекрасили в светлые, почти блондинистые, а ярко-синие глаза изменили на карие. Одно оставалось идентичным – лицо.

Девушка сохранила старое и новое фото незнакомой бабули, чтобы отправить их дяде, но решила, что лучше поговорить с ним об этом лично. До конца рабочей смены было ещё три часа, а одолеваемая любопытством продавец, повесила на дверь табличку «Приёмка», и поспешила на поиски правды.

Дядя Гриша жил в элитном пятиэтажном доме на окраине города. Снаружи здание напоминало обычный панельный дом, но внутри всё было настолько высокотехнологичным, что на входе посетителей встречал робот-консьерж Аркадий.

Аркадий не был похож на человека. Скорее он был как японский робот-официант с экранчиком вместо лица, на котором отображались эмоции. В базе данных Аркаши были имена и лица всех жильцов, а также гостей, которые к ним приходили, дабы не пускать в дом кого попало. Поэтому всем входящим нужно быть готовыми к тому, что консьерж просканирует их, прежде чем пропустит дальше. Подобные изобретения охраняли только элитные дома и крупные частные компании, поэтому далеко не все свыклись с механизированными помощниками.

Ася без тени сомнения подставила лицо под сканирующий луч, и Аркадий дал добро. Она считала роботов чем-то привычным, 2085 год как-никак, технологии развиваются в бешеном темпе. Однако электронному консьержу надо бы обновить прошивку. Сильно уж долго он думает после проверки её лица. Дядю он пропускал почти моментально.

Поднявшись на нужный этаж, Ася подбежала к двери дядиной квартиры и несколько раз нажала на кнопку звонка, надеясь, что родственник окажется дома. Через минуту дверь открыл старичок в домашнем халате и пижамных штанах в клеточку.

– Ася, чего трезвонишь? – удивлённо спросил хозяин. – Ты разве не на работе должна быть?

– Да, но тут такое дело, – ответила девушка, отряхивая невидимые пылинки с джинс. – Хочу кое-что спросить, но сначала мне нужно зарядить телефон.

– Заходи, чудо в перьях, – засмеялся старичок.

В светлой и современной квартире дяди Гриши было уютно и спокойно. Девушка всегда чувствовала себя здесь как дома. Мебель и стены нейтральных цветов выглядели изящно и лаконично, а светодиодные лампы и встроенная техника добавляли стиля. Так и не скажешь, что здесь живет 87-летний дедуля.

Ася вспомнила, что на прошлой неделе в ретро-лавку привезли красный ковёр, пестрящий различными узорами. Бывший хозяин вещи сказал, что такие коврики висели на стенах в квартирах многих пенсионеров

в конце прошлого века. Тогда Ася представить не могла, что этот предмет можно использовать таким образом. В этом доме единственным ярким пятном были домашние растения в горшках.

Дядя жестом предложил гостье сесть на диван цвета слоновой кости, а сам отправился ставить чайник.

– Как ты умудрилась посадить телефон? – прозвучал вопрос из кухни. – Современные телефоны могут неделю держать заряд при активном использовании. Что ты на нём делала-то?

– Читала статьи о медицине и технологических новинках, – ответила Ася погромче. «И искала ещё кое-что по пути сюда», – добавила она про себя.

– А работать кто будет?

– В нашу лавку редко кто заходит. На этой неделе был ностальгирующий старичок, коллекционер и тип, который скупил несколько тетрисов. Не удивлюсь, если он продаёт их в интернете в три раза дороже.

На кухне послышался звон чашек и шуршание упаковки с печеньем. Чтобы не отвлекать дядю, девушка решила отыскать зарядное устройство сама. Она осмотрела столы и ящики в зале, но ничего не нашла. На цыпочках прокравшись в дядину комнату, любопытная Варвара принялась за прикроватную тумбочку. Вот оно. Зарядка в виде чёрной шайбы лежала в самом первом ящике. Ася быстро вытащила устройство и уже собралась задвинуть ящик обратно, как вдруг её взгляд зацепился за кое-что интересное.

На дне лежала фотография дяди Гриши и какого-то дедули с тросточкой. Девушка присмотрелась повнимательнее и заметила у него родинку на правой щеке, в том же месте, что и у неё. За стёклами очков видна глубина синих глаз. Добрый взгляд незнакомца пробудил в Асе какое-то странное чувство, будто она знает этого дедулю уже сотню лет.

За спиной послышалось недовольное «кхе-кхе».

– Нашла, что искала?

– Да, зарядку, – ответила Ася без всякого смущения, показывая шайбу в руке.

– Пользуешься моей добротой, негодница, – дядя Гриша ухмыльнулся и покачал головой. – Некрасиво заходить в чужую спальню без спроса. Идём уже чай пить.

Ася кивнула и засемила в гостиную, держа в голове мысль о фотографии. «Нужно спросить об этом тоже», – подумала она.

– Давай рассказывай, что за дело такое срочное, – сказал дядя и взял белую чашку с журнального столика. Племянница последовала его примеру и тоже потянулась за чашкой, чтобы занять беспокойные руки.

– У меня несколько вопросов к тебе, – начала девушка. – Первый – про мою маму.

Дядя Гриша собирался отхлебнуть чай, но остановился и замер. Пальцы ещё крепче обхватили кружку, а плечи напряжённо приподнялись.

– Я же тебе уже рассказывал, – ответил он, прочистив горло. – Твои родители развелись, когда тебе было 14 лет, и твоя мама уехала за границу. Но она продолжала тебе звонить и помогать материально.

– И у тебя не осталось её фотографий?

– Я совсем не знал твою маму и не общался с ней, поэтому нет. Возможно, её фото есть в соцсетях, но она вышла замуж второй раз и сменила фамилию. Найти её профиль будет сложно.

– А бабушку по маминой линии ты тоже не знаешь? – не унималась Ася.

– Увы, – дядя покачал головой. – А почему ты спрашиваешь?

Племянница схватила еле подзарядившийся телефон и начала перебирать пальцами по экрану. Затем она резко вытянула руку с мобильником вперёд, показывая недавно найденное фото светловолосой девушки.

– Как тогда понимать это?

– Ты сменила имидж в редакторе? – недоумевая, спросил родственник.

– Сегодня мне написала одна женщина и обвинила в том, что я украла фотографию её молодой бабушки и разместила у себя на странице, – объяснила Ася.

– Наверняка это спам, чтобы привлечь тебя зайти на рекламный аккаунт.

– Я тоже так думала, пока не нашла на её странице вот это, – девушка пролистала влево и показала фотографию незнакомки со своей бабушкой. – Девушка на первой фотографии и эта бабуля – один и тот же человек, и зовут её Ангелина Вайсс. Пока я ехала к тебе на автобусе, то успела изучить список друзей обвинявшей меня женщины и нашла ещё несколько фото с её бабушкой. И наше с ней сходство очевидное! Разве что у неё нет родинки на лице как у меня.

Ася так увлечённо рассказывала, что не сразу обратила внимание на своего собеседника, который совсем ссутулился и поник. Он молча разглядывал своё морщинистое лицо в чашке остывшего чая и почти не шевелился.

– Я хочу с ней связаться, – сказала Ася. – Может быть, она моя потерянная бабушка и...

Резкое «стой!» дяди Гриши сотрясло всё вокруг, что даже он сам вздрогнул и чуть не опрокинул чай себе на колени.

– Твой отец не хотел бы этого, но лучше уж я тебе расскажу.

Старик ушёл в свою комнату и вернулся оттуда с тёмно-синей папкой. Крепко сжимая вещь в руках, он с тяжёлым вздохом опустился в кресло, будто держал неподъёмный груз. Дядя вытащил газету и положил на стол.

Взгляд Аси сначала упал на большую цветную фотографию, на которой стоял её молодой отец и... она. Такая же, как сейчас, только в униформе медперсонала. «Чудо робототехники! 30 мая 2020 года молодой талантливый учёный Юрий Громов представил первого андроида-медсестру "АСТРА"!» – радостно кричали слова со страницы.

Только Асе было совсем не радостно. Уже второй раз за день обычные буквы, сначала на экране смартфона, потом в газете, вызывали у неё непонятные и не очень приятные чувства. «Это не может быть правдой», – пыталась убедить себя девушка, надеясь, что эта мысль нейтрализует плохие эмоции. А может ли она вообще испытывать эмоции? Вереница мыслей закрутилась в голове, дыхание участилось, а тишина стала невыносимой и давила со всех сторон. Боковым зрением Ася заметила, как дядя трясущейся рукой положил рядом с газетой фотографию. Ту самую, которую она видела у него в ящике. Теперь девушка поняла, откуда знала того старичка с родинкой.

– Асенька, – чуть слышно произнёс дядя Гриша, боясь спугнуть племянницу. – Твой отец не погиб в аварии три года назад. Он прожил довольно много, 83 года. Фотографии, которые я показывал тебе, были сделаны очень давно, во времена его молодости. Все эти годы он любил тебя и хотел для тебя только лучшего.

Старичок рассказывал неизбежную правду, глядя на свои сцепленные руки на коленях. Он боялся встретиться взглядом с племянницей и увидеть боль в её глазах, от которой так пытался уберечь её отец.

Ася не хотела верить словам дяди, но факты сказали всё. Вот почему она не может объяснить чувства. Видимо, многие из них она просто не умеет выражать. А интерес к медицинским статьям тоже, оказывается, тянется из прошлого.

– Но почему я тогда могу испытывать эмоции? – воскликнула Ася. – И разве у андроидов радужки глаз не светятся, чтобы их было проще отличить от людей?

– Ты особенная, – ласково произнёс дядя. – Твой отец был гениальным учёным и создал тебя отличной от других... твоих собратьев. Твоя программа позволяла тебе переживать чувства и эмоции практически идентичные с человеческими. Не иначе как чудо.

Лицо старичка тронула улыбка, но вскоре тяжесть горьких слов заставила её исчезнуть.

– Когда твою память о прошлой жизни стёрли, вместе с ней пропали некоторые эмоции и чувства. И сейчас ты заново собираешь их по крупицам.

Ася сидела неподвижно, уставившись на фотографию в газете. Внутри нарастало что-то. Что-то всепоглощающее и неподвластное контролю. Её воспоминания стёрли как старые ненужные фотографии с компьютера. Эта крупница оказалась слишком тяжелой.

– Поверь мне, – продолжал дядя Гриша, – он только хотел, чтобы ты жила так, как сама этого хочешь. Ты больше не врачевный... андроид, – это слово он предпочел бы не произносить. – Ты можешь выбирать своё будущее.

– Откуда мне знать, что я хочу, если мне нужно сначала разобраться в себе? – негодуя ответила Ася. – Чувства, андройды, чудеса – звучит как фантастическая сказка, в которую я отказываюсь верить! А эта женщина? Почему мы так похожи?

– Твой отец любил её когда-то, но дороги их разошлись ещё до твоего появления, – ответил старик. – Хотя я знал Юру с юных лет, мне всегда было непонятно, зачем он создал тебя по её подобию.

Дядина рука снова потянулась к папке. На этот раз он достал оттуда маленькую серёжку в виде полупрозрачной капельки, внутри которой извивались линии микросхем.

– Я понимаю, всё, что ты услышала, звучит совсем неправдоподобно, но это так, – с печальным видом произнёс мужчина. – Если ты не захочешь принять эту реальность, можешь воспользоваться этим. – Он пододвинул серёжку-капельку ближе к племяннице. – Когда ты наденешь её, перед твоими глазами появится список воспоминаний, которые ты можешь стереть. После того, как устройство сделает дело, капелька отвалится от крепления, а чип внутри сгорит.

Повисла напряжённая пауза, затишье перед бурей. Ася пыталась разложить всё по полочкам в своей голове, но здравый смысл что-то упорно пытался вытеснить. Похоже, будто чувства пытались взять верх над её критическим мышлением и вот-вот они потоком выльются на дядю Гришу, о чём она потом пожалеет. Не дав внутреннему вулкану взорваться, девушка второпях схватила со стола всё, что можно, и резко подорвалась с места к выходу.

– Куда ты? – взволнованно спросил дядя и подскочил с места.

Но племянница ничего не ответила и вылетела из квартиры, не захлопнув дверь.

Больше всего Асе сейчас хотелось прийти в себя и подумать о том, что делать дальше. В антикварный магазин возвращаться нет смысла, и теперь она поняла, почему. В этом месте не было ничего из её прошлого, но было много напоминаний из чужого. Дядя и отец не хотели, чтобы Ася была привязана к медицинскому делу, но кем тогда ей быть? Никто не спросил о том, чего она хочет, прежде чем стирать

всё, что было накоплено годами. Вдруг ей стало очень жаль жену того старичка с кассетным плеером, ведь её воспоминания тоже исчезли, и ничего с этим не поделаешь. На ум пришло слово «несправедливость».

Девушка направилась к ближайшей станции метрополитена. К вечеру там толпа народу, поэтому искать её там никто не станет.

В метро пахло креозотом и чьим-то резким парфюмом, а неподалеку галдели студенты. Не самое подходящее место для размышлений, но Асю это не смущало. Она опустила на свободное место на лавочке рядом с платформой и достала телефон. На экране высветился пропущенный звонок от дяди Гриши, который остался проигнорированным. Девушка нажала на страницу той самой Ангелины, открыла чат и начала размышлять над тем, как попросить её о встрече.

«Здравствуйте, я – андроид, очень похожий на вас. Не могли бы вы рассказать мне о моём отце?» Любой нормальный человек сразу бы заблокировал её за такое странное сообщение.

Батарейка на телефоне начала подходить к отметке 10%, ведь зарядить телефон нормально так и не удалось. Ася всё ещё пялилась на мигающий курсор на пустой строчке чата. Пошарив рукой в сумке в поисках зарядки, она обнаружила, что в порыве гнева прихватила со стола дяди Гриши всё, но только не её. Серёжка со стирающим память чипом была сразу же убрана в недра сумки, в надежде, что та никогда не пригодится. А вот фотография отца и дяди могла помочь достучаться до Ангелины. Ася сделала снимок на мобильный и отправила вместе с сообщением:

«Здравствуйте, я – дочь Юрия Громова (на этой фотографии он изображен слева). Если у вас сохранились воспоминания о нём, пожалуйста, поделитесь ими со мной. Помогите мне получше узнать папу.

С уважением, Ася Громова».

Ответ пришёл через несколько минут и содержал адрес. Одновременно на девушку нахлынуло два чувства. Первое – радость за то, что Ангелина согласилась встретиться, а второе будто призывало бросить эту затею и смириться. Но отступать уже было некуда. На платформу прибыл поезд в нужную сторону и Ася, сливаясь с потоком пассажиров, проследовала в вагон.

Дом, в котором жила Ангелина был не таким современным как у дяди Гриши, но по-своему милым. Во дворе располагалась большая детская и спортивная площадка, а рядом с подъездом цвели и благоухали клумбы. Внимание Аси привлекли пышные белые цветы, и на минуту ей показалось, что она уже где-то видела их.

Через несколько мгновений она стояла перед квартирой женщины, с образа которой была когда-то создана. Возможно, при виде Аси хозяйка упадёт в обморок или разозлится и прогонит её. Но в обоих случаях

правды не видеть, и ей нужна была адекватная реакция, если такая вообще возможна. Девушка тряхнула головой, чтобы прогнать тревожные мысли, сделала глубокий вдох и на выдохе нажала на кнопку звонка.

Дверь открыла полноватая бабуля среднего роста в жёлтом плюшевом кардигане и брюках-клёш. При виде гостыи у старушки вырвалось удивлённое "О!"

– Извините, я вас напугала?

– Нет, что ты! Проходи, – на удивление приветливо ответила хозяйка.

Девушка проследовала в маленькую, но светлую и уютную гостиную, где повсюду были расставлены причудливые сувениры из разных стран. В отличие от лаконичного жилища дяди, квартира Ангелины напоминала музей. Среди всех «экспонатов» девушка остановила свой взгляд на китайской вазе, в которой стояли те самые белые цветы с клумбы.

– Нравятся мои астры? – спросила старушка, заметив интерес гостыи. – Сама вырастила.

«...молодой учёный представил первого андроида-медсестру "АСТРА"!» – промелькнул в мыслях газетный заголовок, а вместе с ней и фотография из Интернета, где Ангелина с букетом позирует со своей внучкой.

– Это мои любимые цветы, и как-то давно на выпускной твой отец подарил мне такие же, – добавила женщина. – Ты ведь о нём хотела поговорить?

Ася кивнула и вслед за хозяйкой села на красный диван.

– Для начала я хотела бы вас спросить. Вы ведь знаете, кто я на самом деле?

– Знаю, милая. Когда-то вся общественность только о тебе и говорила.

– И вы... не сердитесь? – осторожно поинтересовалась девушка.

– На тебя нет, но твой отец тогда наделал шума, – вздохнула Ангелина.

– Если честно, он поступил неправильно по отношению к нам обеим. Да что говорить, я тогда была просто в ярости, – издала она короткий смешок. – Но тогда я жила в другой стране и не могла приехать к твоему отцу, чтобы выяснять с ним отношения. Границы были закрыты из-за пандемии, а твоя помощь в этот сложный период была необходима, поэтому было решено оставить тебя такой, какая ты есть.

– А какие у вас были отношения до всего этого?

– Мы очень хорошо дружили в школе, по крайней мере, я думала, что это дружба. Нам было весело гулять после уроков и болтать на переменах, но дальше отношения так и не пошли. – Ангелина посмотрела на белые цветы на подоконнике и улыбнулась, но во взгляде её можно было заметить капельку грусти. «Интересно, как называется это чувство?» – подумала Ася.

– Выпускной день выдался пасмурным и прохладным, но когда Юра принёс мне астры, внутри меня будто выглянуло солнышко. Как сейчас помню, стоим на школьном крыльце, по крыше вовсю тарабанит ливень, а мы делимся планами на светлое будущее. Я хотела поступать за границу, учить языки, путешествовать, встречать новых людей. Я была молода, энергична и амбициозна. Но отец твой был совсем другим. Спокойным, серьёзным и не таким общительным, как я. После того, как я сообщила ему о поступлении в другую страну, Юра стал ещё более замкнутым и мрачным. Видимо, он не хотел быть так далеко от меня, но и бросать свою успешную научную деятельность он не хотел ещё больше. Ему обещали место в престижном научно-исследовательском институте страны за успехи в области робототехники. Тебе наверняка говорили, что твой отец – гениальный учёный.

– Значит, папа выбрал карьеру?

– Мы оба выбрали жизнь, к которой стремились.

– Думаете, он хотел всю жизнь общаться с роботом?

– Ну что ты, – женщина положила руку на плечо Аси. – Он видел в тебе личность и любил тебя. Как внимательно он слушал твои рассказы, и как сияли при этом его глаза. Он всегда нёс тяжёлые сумки сам, укрывал тебя от снега и дождя. Поверь мне, я знаю, о чём говорю. Когда мы с семьёй вернулись в мой родной город, иногда я видела вас с отцом на улице и наблюдала. Ни один человек на моей памяти не относился с такой заботой к андроидам.

Ася почувствовала, как с её щеки что-то скатилось и упало вниз. Маленькая капелька блестела на тыльной стороне ладони, мокрая и тёплая. Потом появилась ещё одна и ещё. К горлу будто подкатил комок, а плечи начали непроизвольно подёргиваться.

– Что это? – дрожащим голосом произнесла девушка. – Я что, плачу? Н-но как такое возможно?

– Значит, когда-то ты умела это делать, – Ангелина достала из кармана платок и протянула собеседнице. – Я заранее приготовила его, потому что знала, история отца пробудит в тебе давно забытые эмоции.

– Но почему папа не оставил мне воспоминания о нём? Зачем совсем ушёл из моей жизни? – слёзы всё ещё тонкими ручейками скользили по Асиным щекам.

Старушка осторожно накрыла своей ладонью руку гостя:

– Твой папа, как любой любящий родитель хотел оградить тебя от разочарования и боли. Прости его и начни всё с чистого листа.

В комнате стало тихо, лишь детский смех доносился из открытого окна. Тёплый весенний ветер колыхал нежные лепестки астр на

подоконнике, в лучах солнечного света безмятежно летали пылинки. Ася теребила в руках мокрый платок, пытаясь обдумать услышанное.

– Зная твоего отца, наверняка он попросил кого-то присмотреть за тобой, – старалась приободрить девушку Ангелина.

– Да, – Ася кивнула, – дядю Гришу.

– Ну вот, а теперь ты можешь обращаться и ко мне, когда захочешь, – ласково произнесла хозяйка.

– Спасибо Вам, – прозвучала искренняя благодарность милой старушке.

Через несколько минут уставшая Ася брела к станции метро, пытаясь осмыслить напутствие Ангелины, которое та дала ей перед уходом:

«На твоём пути могут встретиться трудности, но пусть тебя это не останавливает. Помни, если стало вдруг темно и сложно, скоро в этой тьме зажжётся счастливая звезда и осветит тебе путь».

Говорят, после слёз наступает облегчение. Видимо, не у андроидов.

После всего того, что Ася узнала за один лишь день, после всех этих эмоций, что она открыла для себя заново, ей просто хотелось разгрузить голову. Странно, зачем это роботам разгружать голову? Разве их память не вмещает в себя сотни тысяч единиц разной информации? Впрочем, ей это было неинтересно. От такого переизбытка чувств, у любого андроида случилось бы замыкание. Но сегодня два человека пытались убедить её, что она – не любая и не такая, как остальные. «Не иначе, как чудо», – прозвучали в голове дядины слова.

Кстати, о дяде Грише. Наверняка он несколько раз уже ей звонил, но включать телефон всё ещё не хотелось.

Ася достала из сумки старенький MP3-плеер. Один наушник был сломан, хотя само устройство ещё работало, но в ретро-лавке его никто так и не купил. Сейчас люди в метро будут пялиться на её старомодные проводные наушники, но девушке было всё равно.

Она нажала «воспроизвести», и в одном ухе зазвучал меланхоличный синтезатор. Песня была на английском языке, и понять её смысл Асе было трудно. На секунду она задумалась, что в прошлом её память легко могла бы вместить в себя весь английский вокабуляр и не только, но сейчас в голове лишь малая часть от этого. Однако припев она всё же смогла разобрать.

Не плачь и не беги,

Жизнь прекрасна, прекрасна, пойми...

Ася задумалась о том, как бы поступил отец, если бы получил второй шанс. Признался бы он Ангелине в чувствах до того, как она уехала? Согласилась бы возлюбленная провести с ним жизнь? Была бы их дочь внешне похожа на Асю?

*Не плачь и не кричи,
Жизнь прекрасна, прекрасна, пойми...*

А тот старичок с кассетным плеером? Хотел бы он ещё раз прожить драгоценные моменты цветущей юности вместе с женой?

Девушка прислонилась к прохладному металлическому поручню и закрыла глаза. «Второй шанс, – пронеслось в голове. – Понять бы, как его не упустить».

На остановке из поезда вышло несколько человек, и вагон стал практически пустым. Ася оглядела оставшихся пассажиров. Парень напротив неё улыбался, глядя в телефон. «Интересно, что вызвало у него улыбку? Сообщение от любимой или мамы с котиками?» Неподалёку дремал мужчина в офисном костюме. «Доволен ли он своей работой?» В другом конце вагона студентка что-то учила, глядя в тетрадь. «Будет ли она работать по специальности в будущем?»

Ася не могла знать за других людей, но про себя она кое-что поняла. Мир вокруг неё и внутри – удивителен и сложен, но она непременно хочет узнать о нём больше.

Когда девушка вышла из метрополитена, город уже окутали сумерки. На серо-голубом небосводе зажглись первые звёзды, подул лёгкий свежий ветерок.

Она вытащила телефон из сумки и услышала, как что-то звякнуло об асфальт. Под ногами лежала та самая серёжка-капелька, заманчиво поблёскивая в свете фонаря. Ася подняла украшение, разломил его пополам и без колебаний отправила в мусорку.

Наконец-то её мысли были ясны, как ночное небо над головой. Она полной грудью вдохнула в себя прохладный вечерний воздух, посмотрела на звёзды и улыбнулась. Пришло время перезвонить дяде Грише. Как и ожидалось, абонент взял трубку после первого гудка.

– Привет, и извини, что заставила волноваться. Я поняла, что хочу научиться разбираться в чувствах, своих и чужих. В общем, я собираюсь изучать психологию... а, возможно, ещё и английский

Алексей МИХАЙЛОВ

(г. Радужный Владимирской обл.)

Особенный день

Этот день обещал быть особенным. Сегодня он со своей музыкальной группой, наконец-то, выступает не на школьной дискотеке, а в модном клубе. Целый год напряжённой работы и репетиций принёс, наконец, плоды. Всю неделю Филипп пребывал в каком-то восторженно-растерянном состоянии. Как будто ему под рёбра накачали обжигающе ледяной надежды, которая сковала все внутренние органы в один тяжёлый жёсткий комок и никак не могла нагреться, чтобы дать возможность воздуху свободно циркулировать в лёгких. Из-за этого он не мог свободно дышать.

Но он держался молодцом. Нельзя было показывать волнения. Ребята сейчас тоже наверняка на взводе. И если кто-то из них проколется, всё может посыпаться. А на нём, как на фронтмене, двойная ответственность.

Прозвенел звонок на перемену, и Филипп, покидав в рюкзак школьные принадлежности, вышел в рекреацию. Там его ждали Андрей и Серафим. Басист и барабанщик. Они выглядели, как настоящие бунтари. Взъерошенные волосы, рубашки выправлены наружу, галстуки слегка опущены, рукава у школьных пиджаков подогнуты. На руках – кожаные браслеты и фенечки, на ногах тяжёлые ботинки. Да и он от них не слишком отличался. Разве что у него было здоровенное серебряное кольцо, которое он по дешёвке купил на одном из аукционов на Ибее.

– Домой? – скорее утвердительно спросил Андрей и водрузил на нос стильные солнечно-защитные очки.

Филипп еле заметно кивнул и слегка улыбнулся краем рта, чтобы поддержать образ. Они были местными рок-звёздами. И красавчиками. Неспешно они направились в раздевалку. Всё их естество рвалось на свободу. Прочь из этой душной школы!

Если бы кому-нибудь потребовалось запечатлеть момент школьного триумфа, то лучшей сцены было не найти. Они двигались среди толчеи по центру длинной школьной рекреации в ореоле славы. Казалось даже, немного с замедлением. А вокруг них сновали какие-то школьники из младших классов, и каждый третий норовил поздороваться, девочки перешёптывались и кидали на них мимолётные восторженные взгляды, одноклассники смотрели с завистью. Но ни Филипп, ни его друзья не

обращали на хаос школьной перемены и атрибуты популярности никакого внимания. Это был их день. Особенный день.

– Ну, что парни, по домам? – спросил Андрей, когда они, наконец, вышли на улицу.

– Во сколько собираемся? – уточнил Серафим, сутулясь и кутаясь в куртку.

– Вроде на шесть чек запланирован, – ответил Филипп и посмотрел на часы.

– Тогда через пять в клубе! – бросил Андрей с видом бывалого рокера и достал из кармана пачку сигарет. – Ты на чём домой?

– На тралике, – ответил Филипп, пожав плечами.

Альтернатив у него особо не было. Ещё летом родители сняли квартиру в другом конце города. Они хотели и его перевести в школу поближе, но Филипп яростно воспротивился. Учиться остался последний год. Менять школу это не просто риск потерять друзей и всё, чего он добился за эти годы, – авторитет, рок-группу, привычный ритм жизни и учебы, – но и потратить время на адаптацию в новом коллективе и выстраивание отношений с новыми учителями. Не говоря уже о том, что уровень образования в новой школе мог быть ниже, а это уже создавало определённые риски его поступлению в выбранный вуз. А у Филиппа на будущее были грандиозные планы. Он, как и его друзья, планировал поступить в Бауманку и продолжить двигать своё панк-музло в столице.

В общем, родители сдались. Разумных контраргументов доводам сына они не нашли, и он продолжил ходить в старую школу, тратя полтора часа в день на дорогу. Зато он всё сохранил. И это позволило их музыкальной банде продвинуться дальше. Ведь сегодня они играли на престижном фестивале-конкурсе.

– Ну, бывай! – ухмыльнулся Андрей, закуривая сигарету от старой зипповской бензиновой зажигалки.

Им-то хорошо, они живут от школы минутах в пяти ходьбы. Спокойным шагом. Раньше и он жил с ними в одном доме. Только в соседнем подъезде. Так они и познакомились пару лет назад.

– Надо было тебе гитару с собой взять, – назидательно заметил Серафим, – мог бы ко мне пойти! В приставку бы порубились, а потом сразу в клуб!

– Да мне ещё переодеться надо. И портфель забросить, – неуклюже оправдываясь, пробормотал Филипп.

На самом деле домой ему не хотелось. Почему родители не могут решить квартирный вопрос? Зарабатывают вроде хорошо, а живут на съёмных квартирах. И это не говоря уже о дурацкой работе, из-за которой им приходится регулярно колесить по стране. Это Филиппа всегда

жутко бесило. Он не мог оборудовать свой угол. Вешать плакаты и разрисовывать стены ему не разрешали, поэтому ему было стыдно приглашать друзей в гости. Слишком аккуратно, слишком чисто. Весь его рок-н-ролл помещался в гардеробе на трех-четырех вешалках.

– Ладно, не опаздывай! – улыбнулся Андрей и выпустил облако синего дыма, мимолетом беспокойно взглянув в сторону школы.

Они по своей давней традиции ударились кулаками и разошлись. Андрей и Серафим, о чём-то весело болтая и размахивая руками, побрели домой. А он угрюмо поплелся на остановку. Троллейбус пришёл почти сразу. Филипп забрался внутрь и уселся на первое попавшееся пустое кресло. Днём в общественном транспорте всегда полно свободных мест. Филипп воткнул в уши наушники и уставился в новостную ленту. Настроение – боевое. Сегодня особенный день! И тут его что-то кольнуло. Точнее, как будто кольнуло. В затылок. Длинной тонкой иглой. Филипп оглянулся и сразу же заметил этот злой немигающий взгляд исподлобья. Какай-то мутный тип лет двадцати в чёрной болоньевой куртке и чёрной вязаной шапке неотрывно глазел на него с заднего сидения и не отвернулся даже в тот момент, когда встретился с взглядом Филиппа. Это было довольно по-хамски. Филипп хотел было что-то крикнуть этому наглецу, но в итоге решил не связываться. Не хотелось рисковать. Сегодня особенный день. Концерт. Пальцы, да и лицо нужны целыми. В итоге Филипп изредка с неудовольствием поглядывал на этого гопника. Тот всё также пялился.

Наконец, троллейбус доехал до нужной остановки. Филипп поднялся с места и вдруг увидел, что этот тип тоже встал и направился к соседней двери. Неужели всё-таки будет напрашиваться на драку? Но почему? Куртка и шапка надёжно скрывали панковский прикид Филиппа. И последнее время он ни с кем не конфликтовал. Да он вообще старался ни с кем не конфликтовать. Это не круто. Филипп стал лихорадочно соображать, что же делать. Звонить друзьям не имело смысла. Даже на такси они не успеют приехать и выручить его. Звонить родителям – не вариант... Стыдно. Наконец, открылась троллейбусная дверь, и Филипп как можно непринуждённое вывалился на морозную мостовую. Он решил не обращать на гопника внимания. Вдруг пронесёт? Накинув капюшон на голову, он бодрым шагом направился к дому. Идти было минут десять-пятнадцать. Его новый дом располагался в самом центре микрорайона, застроенного многоэтажками ещё в советское время. Чтобы пройти к дому от троллейбусной остановки, нужно было либо обходить длинную кирпичную пятиэтажку, которая как крепостная стена охраняла микрорайон от вторжения таких вот гопников, либо идти через прямоугольный проём, насквозь пронизывающий эту пятиэтажку и

называемый в народе аркой. Обычно все обходили, заглядывая по пути в супермаркет. Но Филипп всегда ходил через проём. Так было на пару минут быстрее. В этом-то проёме его и догнал гопник.

Не сказать, что Филипп удивился. Внутренне он был уже готов, что может случиться какая-нибудь стычка с отморозком из троллейбуса. Но произошедшее всё же стало неожиданным, а напор напавшего удивил и напугал Филиппа.

– Э-э-э, чувак, в чём дело? – возмущённо крикнул Филипп, которого гопник, схватив за рукав, грубо развернул к себе лицом.

Тот молча вытащил откуда-то из-за пояса выкидной нож. Филипп бы его даже не заметил, если бы не этот щелчок при открывании. Слишком будничный. Лезвие ножа, такое обычное в своём металлическом блеске и такое невозможное среди бела дня в городской застройке, сработало как триггер. Филипп впал в ступор и даже не попытался сопротивляться или вырваться и убежать. Он отказывался верить, что всё это происходит на самом деле. В такой особенный день. Но зачастую самая что ни на есть жёсткая реальность протекает, облачившись в камуфляж сна. Филипп увидел быстрый целеустремленный удар. Второй. Третий. Он не почувствовал боли, но услышал мерзкий треск рвущихся тканей. Услышал ушами и почувствовал этот треск всем своим телом, всеми нервными окончаниями.

– Пстой! – хотел крикнуть он.

Ещё удар, ещё!

– Помогите!

Ещё!

– Хватит!

– Сдохни, тварь! – услышал он звериное рычание, обдавшее его жаром кислого дыхания и ненависти.

Ещё удар! И тут пришла боль. Откуда-то издалека. Из далёкой дымки, стелющейся на горизонте сознания. Она стала расти, расти, расти, и он, почувствовав, что не может больше терпеть, закричал и устремился к ней навстречу, чтобы поскорее покончить с этим безумием. В туманное далёко, откуда приходят сны.

Когда он открыл глаза, то увидел над собой серые плиты перекрытия. Он лежал на заснеженном асфальте во всё том же проёме под домом. Было тихо, если не считать шума проезжавших невдалеке автомобилей. Рядом никого не было. Не было боли, не было страха. Только недоумение.

И тут он вспомнил яростного безумного демона, бесчисленное число раз вонзающего свой жуткий клинок в его живот. Филипп чуть не задохнулся от навалившегося на него ужаса. Он боязливо приподнял руку, но боли не почувствовал. Аккуратно, ощупал себя. Вопреки

ожиданиям не было никаких болевых ощущений. Как будто и не было нападения. Только куртка измазана кровью. Он долго и бестолково смотрел на красную ладонь, потом расстегнул молнию и, засунув ладонь под куртку, ещё раз осторожно ощупал живот. Тонкие липкие дрожащие пальцы то и дело натыкались на рваные дыры в рубашке и жуткие раны на коже. Боли по-прежнему не было. Филипп пошевелил ногами. Всё работает. Он попытался сесть. Никаких видимых затруднений при этом не испытал. Только жуткую усталость. Осмотрев себя, он ужаснулся – сколько ударов пришлось ему перенести. Вся его одежда была в крови.

Нужно было что-то делать. Он кое-как поднялся на ноги, прихватив с собой валявшийся неподалёку рюкзак. Утоптаный снег под ногами был красным, как будто кто-то пролил ведро розовой краски. От страха у него помутнело в глазах, и он чуть было не упал обратно на землю, но устоял, прислонившись спиной к стене. Дрожащими руками он вытащил из кармана телефон и кое-как сумел позвонить, оставив на экране телефона страшные разводы от пальцев.

– Алло, мама!

– Да, Филя, что случилось?! – мама всегда чувствовала по голосу, что что-то не так.

– На меня напали... С ножом! И, кажется, порезали!

– Ты где?!

– У нашего дома...

– Ходить можешь?

– Да...

– Срочно иди домой, мы сейчас будем!

И бросила трубку. Филипп изумлённо посмотрел на телефон, ставшего невольным соучастником...чего? Равнодушия? Предательства? Идти домой? Сейчас, в таком состоянии? Филипп, устало вздохнув, прижался затылком к стене. И тут послышался хруст шагов. В проёме появилась женщина из соседнего дома. Увидев его, она остановилась и, испуганно осмотревшись, озабоченно бросила в нутро ставшего вдруг небезопасным проёма робкие слова:

– Парень, ты как?

Филипп вместо ответа отлепился от стены и неуверенным шагом поплёлся в сторону дома. Когда он проходил мимо изумлённой женщины, та, глядя на него со смесью испуга и сострадания, участливо, почти по-матерински спросила:

– Может, скорую вызвать?

– Не, – промычал в ответ Филипп и, постепенно ускоряясь, побрёл домой.

Дома, сбросив в коридоре рюкзак, куртку и ботинки, он направился напрямиком в ванную комнату. Там он принялся раздеваться. Его всего

трясло, пальцы не слушались и слипались от крови. Кое-как стягивая окровавленные пиджак, брюки, рубашку, он бросал их прямо на пол. А когда с одеждой было покончено, он с замиранием взглянул на себя в зеркало.

Бледное нездоровое лицо, чужие испуганные глаза и привычно худое тело, безобразно измазанное кровью. На животе он насчитал тринадцать жутких колото-резаных ран. Они были такие большие, что, казалось, и одной было вполне достаточно, чтобы до сих пор лежать там, в проёме под домом.

Но он был до сих пор жив и стоял на ногах. Более того, раны уже не кровоточили. В большинстве своём они запеклись, и только кое-где сочилась сукровица. Это было настолько ненормально, что на Филиппа снова навалилось ощущение нереальности происходящего.

Он забрался в ванную, включил тёплую воду и стал сырой губкой смывать с себя кровь. Жуткий красный ручей стекал в смыв, закручивая напоследок небольшой водоворот. Филипп осторожно омыл свой живот. Раны уже не казались такими страшными. Может, это куртка смогла его защитить, не дав ножу глубоко вонзиться в тело? Эту нелепую версию он сразу отмёл. Длина у ран была большой. Как раз по ширине лезвия. Чтобы такая рана образовалась, нужно, чтобы лезвие от ножа вошло минимум на треть. А это не меньше пяти-семи сантиметров. Это не просто порезы кожи, наверняка должна быть разрезана мышечная ткань и, скорее всего, повреждены внутренние органы...

Он осмотрел один из порезов, аккуратно пытаясь развести края раны пальцами. Полоснула резкая боль, и он отпустил рану. Сквозь разрез отчётливо виделись повреждения мышц. Из раны вытекла скупая струйка чересчур густой багровой крови.

«Интересно, – вдруг мелькнула у Филиппа шальная мысль, – а я смогу сегодня выступить?»

Сегодня ведь особенный день. Их первое выступление перед широкой публикой. Без него ребята не смогут отыграть. И замены так быстро не найдёшь. Филипп в расстройстве даже закусил губу.

И тут в квартиру ворвались родители. С силой захлопнув за собой тяжёлую металлическую дверь, они, даже не разуваясь, устремились напрямиком к ванной. Филипп едва успел намотать на себя полотенце.

– Как это случилось? – стараясь сохранять хладнокровие, воскликнул отец, окинув его быстрым внимательным взглядом.

– Меня пырнули ножом, – невпопад ответил Филипп, ожидая совсем другой реакции от родителей.

– Кто, где, когда? – отец, похоже, был больше заинтересован обстоятельствами произошедшего, а не самочувствием Филиппа.

– Папа, меня хотели убить! – Филипп возмущённо показал на свой живот.

– Филя, соберись! – немного сбавил обороты отец. – Очень важно сейчас понять, кто и почему это сделал!

– Какой-то гопник! – в сердцах крикнул Филипп. – Я его впервые сегодня увидел!

– У вас с ним произошёл какой-то конфликт?

– А не хотите узнать, как я себя чувствую?

– Филипп, послушай меня внимательно! Счёт может идти на минуты! Нужно, чтобы ты ответил на мои вопросы!

– Нет! Не было у нас никакого конфликта! – разозлился Филипп. – Он прицепился в троллейбусе. Всю дорогу пялился на меня, а потом вышел за мной на остановке, догнал в арке и вот...

– Он что-нибудь тебе сказал?

– Сдохни, тварь!

– Уходим, – озабоченно-деловым тоном сказал отец стоявшей тут же маме и, не дождавись её сухого кивка, выбежал из ванной и скрылся в родительской комнате.

– Ты как? – спросила мама, участливо оглядывая сына.

– Спасибо, что, наконец, поинтересовалась! – обиженно пробурчал Филипп.

– Хорошо, что всё обошлось! – мама невесело улыбнулась и быстро поцеловала Филиппа в лоб. – А теперь иди собирай быстрее вещи. Через пять минут уезжаем!

Сказав это, она покинула ванную комнату так быстро, что удивлённо-растерянный возглас Филиппа «Обошлось?» глупо повис в воздухе скрюченным вопросительным знаком. Вот так заботливые родители... Никто из них так и не выяснил, как же себя чувствует их сын и какие у него повреждения! Может быть, надо вызвать «Скорую помощь». А вдруг него внутреннее кровотечение? Может быть, он ещё жив только благодаря выбросу адреналина и шоковому состоянию?

Филипп ещё раз осмотрел свои раны. Ни одна из них уже не кровоточила. Кожа на животе была обычного цвета, разве что чуть бледнее, чем обычно. С возмущением ударив кулаком по стене, Филипп направился в свою комнату и захлопнул дверь.

Надев на себя спортивные штаны и толстовку, он завалился на кровать, пытаясь собрать разбегающиеся в разные стороны мысли. Похоже, что все они просто струсил перед одной внезапно возникшей догадкой. Жуткой и бескомпромиссной в своей вероятности. А он вообще жив? Может быть, он умер? Или всё ещё лежит там на снегу без сознания и бредит в агонии...

– Филя, в чём дело? Почему ты не собираешься? – мама даже не стала стучать в дверь

– Потому что я никуда не еду, – устало пробормотал обиженный Филипп.
– Филя, это очень серьёзно, – попыталась взять ситуацию под контроль мама, – у нас нет времени на пререкания!

– Мама, меня полчаса назад исполосовали ножом, а вы делаете вид, что со мной всё в порядке...

– Мы вовсе не делаем вид, что всё в порядке. Но сейчас мы все в большой опасности, Фил, и должны немедленно отсюда уехать!

– Я никуда не поеду! – вспылал Филипп. – С места не сдвинусь, пока не объясните, что происходит!

– Я обещаю, что мы всё тебе расскажем, – ответила мама и принялась сама собирать его вещи, складывая их на письменный стол, – но сейчас просто некогда! Поверь мне! Ты гитару брать будешь?

– Я никуда не поеду...

Внезапно раздался дверной звонок. Тут же на пороге комнаты Филиппа появился папа с большим чемоданом. Приложив палец к губам, он достал телефон и подключился к камере, установленной в подъезде.

– Ничего не видно, – одними губами произнёс он, – чем-то заляпали!

Мама осторожно выглянула в уличное окно и, быстро осмотревшись, также одними губами прошептала:

– Никого! Уходим?

Вместо ответа со стороны входной двери раздался резкий стук в дверь и почти сразу же металлический визг.

– Сейчас дверь спилят! – закричал отец, схватив чемодан. – Давай, быстрее!

Мать открыла окно и, забравшись на подоконник, прыгнула вниз. Так буднично и уверенно, как будто они жили не на пятом этаже, а на первом. Филипп ошеломлённо вскрикнул. Снова реальность дала сбой и его как будто окутала пелена сна. Отец подбежал к окну и выбросил туда чемодан.

– Филя, вставай, нам надо уходить! – крикнул он, стараясь перекричать визг шлифмашинки.

– Папа, что вы делаете?! – в панике закричал в ответ Филипп. – Я ничего не понимаю!

– Нам надо бежать, иначе они нас убьют! – отец ухватил Филиппа за руку и попытался поднять с кровати.

– Кто убьёт? – Филипп вырвал руку и забился в угол кровати у стены.

– Филя, некогда сейчас объяснять! Бежим!

– Я никуда не пойду! – истерично закричал Филипп.

Но тут отец молниеносно запрыгнул к нему на кровать, с невероятной силой подхватил Филиппа на руки и в два прыжка оказался у окна.

Филипп не успел ничего сообразить, как отец выбросил его наружу. На улицу. С пятого этажа!

Время остановилось. Перед глазами Филиппа замелькали какие-то обрывки воспоминаний, небо, дома, деревья. Весь мир превратился в безумную круговерть. Из рта попытался вырваться крик. А может даже и вырвался, но тут он услышал мамин голос:

– Группируйся!!!

Он увидел стремительно несущуюся к нему землю. Белую от снега. Негостеприимную. Он попытался приготовиться к удару. Согнул ноги в коленях, вытянул носки вниз, а руки вперёд. И тут же приземлился. Его ошеломило от удара о землю, и он даже не понял, больно ли ему. Филипп почувствовал, как его схватили за руку и рывком подняли на ноги. Это была мама. Через секунду рядом приземлился отец. Прямо на ноги. Как в каком-то голливудском боевике. В руках он держал электрогитару Филиппа. Если бы не контекст, это выглядело бы круто. Да это, вообще-то, и выглядело невероятно круто, несмотря на дурацкий стариковский прикид его отца.

– Бежим! – крикнул тот.

И они побежали. Очень быстро. Филиппа за рукав тянула мама. Она мчалась впереди, и Филипп, потеряв волю и с ней всякое желание сопротивляться, просто бежал следом, еле успевая за её темпом. Они завернули за соседний дом, и отец остановился у какого-то чужого автомобиля, двери которого внезапно отперлись при их приближении.

Закинув чемодан и гитару в багажник, отец запрыгнул за руль. Мама втащила Филиппа на заднее сидение и немедленно захлопнула дверь. В то же мгновение автомобиль тронулся. Он петлял дворами, пока не выехал в проулок, через который вырвался на просторную улицу и помчался прочь от дома. Отец озабоченно вглядывался в зеркало заднего вида и с кем-то говорил по телефону. Филипп молчал. Мама прижала его к груди и успокаивающе гладила по голове.

Минут через пятнадцать они подъехали к высотке. Автоматический шлагбаум при их приближении открылся, они въехали внутрь огороженной придомовой территории и сразу же спустились на подземную парковку.

– Через пятнадцать минут нас заберут, – сказал отец. – Подождёте здесь или вместе поднимемся?

– А какой смысл всем ходить? – ответила мама.

– Тоже верно, – кивнул отец и проворно выскочил из машины, – я быстро!

Хлопнувшая дверь как будто включила сознание Филиппа. Он дёрнулся и непонимающе огляделся, отстранившись от матери.

– Что происходит? – тихо требовательно и на грани истерики спросил он.

– Ты, главное, держи себя в руках, – успокаивающе ответила мама, – то, что ты услышишь, может показаться тебе невозможным. Так же, как кажется невероятным то, что ты пережил за последний час. Но ты видел всё это своими глазами. Поэтому ты должен мне поверить. Понять, что я скажу, и постараться принять. Хорошо?

Филипп нехотя кивнул. Он устал от безумия и хотел бы услышать что-нибудь успокаивающее, что-то нормальное, вписывающееся в понятие здравого смысла. Например, что он находится в коме к больнице в надёжных руках врачей.

– Мы собирались рассказать тебе обо всём чуть позже. В особенный день. Когда ты закончишь школу, но обстоятельства вынуждают сейчас... В общем, ты – не человек... И мы с папой...

– В смысле, «не человек»? – сглатывая слюну, спросил Филипп.

Истерика бродила на периферии его сознания и судорожно искала брешь, чтобы поглотить юношу и вырваться наружу в безудержном аффекте.

– Ты только не волнуйся, – испуганно пробормотала мама, – я знаю, это звучит шокирующе, но это правда. Дело в том, что мы не с этой планеты! Мы с папой. Ты появился уже...

– Это шутка такая? – оборвал её Филипп. – Я ведь в точности такой же, как все остальные люди!

– Ты удивишься, когда увидишь, что это совершенно не так! То, что ты считаешь своим телом – это просто биомеханическая оболочка, с которой ты находишься в своего рода симбиозе. Это оболочка гораздо устойчивее человеческого организма, поэтому ты перенёс нападение, а потом прыжок с пятого этажа. Ты, настоящий ты, помещён в небольшую капсулу с адаптированной системой управления этой оболочкой. Эта капсула находится здесь!

С этими словами мама указала на голову Филиппа, слегка коснувшись пальцем правой части черепной коробки. Филипп судорожно вздохнул и почти уверенно заявил:

– Это бред! Почему же я тогда ничего не замечал?

– Всё настроено таким образом, чтобы ты осуществлял управление как будто оболочка – это твоё собственное тело. Вот почему ты не испытывал никакого дискомфорта и даже...

– Ты понимаешь, что это звучит безумно?

– Мне очень жаль, Фил. Но всё это чистая правда. Через пару часов ты убедишься в этом лично. Специалист уберёт барьеры, которые установили, чтобы скрыть твою истинную сущность и дать возможность нормально развиваться в человеческом обществе. И ты, наконец, сможешь ощутить своё настоящее тело.

Наступила пронзительно тихая минута.

– А как же моя группа? Как ребята? У нас сегодня выступление...
– дрожащим голосом пробормотал Филипп.

– Мне очень жаль... – с грустью и сочувствием ответила мама, – зато мы взяли с собой гитару...

– Как я выгляжу? – Филипп совершенно неожиданно для себя сдался, на глаза его выступили слёзы. – На самом деле?

– Что-то среднее между амёбой и слизнем...

– Кринж! Какой же я урод!

– Когда тебе снимут барьеры, ты поймёшь, что в нашей культурной парадигме отсутствует традиция оценки нашей внешности, а также поступков. Так что ты в принципе не можешь быть уродом.

– А тот, кто на меня напал? Кто он?

– Обычный человек. По всей видимости, он из «Сопrotивления». Это группа землян, которым известно о нашем присутствии на их планете. Они не связаны с правительствами. Их цель нас уничтожить.

– Мы что, какие-то иллюминаты? Тайное земное правительство?

– Нет, что ты. В нашей социально-культурной парадигме отсутствует понятие власти. Но Сопrotивление, похоже, считает, что мы пытаемся захватить Землю.

– А мы пытаемся?

– Я же сказала, что нет. Эта планета вообще не пригодна для нашего существования. Только в подобной оболочке. И как только появится такая возможность, мы сразу же её покинем. Но сейчас главное выжить! Тот, кто на тебя напал, видимо, недавно в Сопrotивлении, иначе ты был бы уже мёртв. Но те, кто пришли следом, кто пытался проникнуть в нашу квартиру, – могут быть опасными!

– Всё это... – Филипп обречённо посмотрел на мать, – я не знаю, верить или нет...

В этот момент в машину сел отец. Повернувшись к ним, он участливо посмотрел на Филиппа, потом на мать.

– Ты ему рассказала? – спросил он её.

– Да. Самое основное.

– Ясно. Филипп! Сегодня у тебя особенный день! День, когда ты, наконец, сможешь стать сам собой!

Ирина ТУРОВИЧ
(Минск, Белоруссия)

Раздвоение личности

«Кот ест одни желтки». Чтоб я жил, как тот кот, – думал Осмоловский, ворочаясь с боку на бок. – Заикнулся раз в детстве, что не хочу яичницу. В ответ подзатыльник, и чтоб тарелка была чистая. В школу ходи, на работу ходи каждый день, не дай бог опоздать. А коту всё можно. Двадцать часов в сутки дрыхнуть и на столе сидеть, где мы едим, и на свежее белье залезть со своими лапами, после лотка невымытыми, можно. Кресло обдирать можно. Разорился на когтеточку, а ему больше нравится кресло, хоть тресни. В фикус нагадить можно. Меня, может, этот мешанский фикус тоже достал, но я не гажу. Паразит, а не питомец. Кто слово такое ласковое выдумал, «питомец»? Ещё и корм ему покупай особый, всякий есть не станет, носом крутит. Пересыпал в старую упаковку, у него на глазах снимаю коробку с полки и кладу корм в его миску. Понюхал, лапой зарывает, гурман. Смотрит пристально, как следователь на допросе. Мяу-мяу, давай хавчик. Где я ему французский паштет возьму? Фуагра. Тю-тю фуагра. Иди, работай, крыс лови, так на улицу не выпрешь».

Сергея Васильевича Осмоловского мучила бессонница. Жена Алина Викторовна мирно сопела рядом, кот пристроился у неё в ногах и тоже крепко спал. Осмоловский поднялся, стараясь не шуметь, и пошёл пал на кухню, выпил снотворное. Ночь была на улице, тёмными были все окна в ближайших домах, угомонились все завязтые полуночники. Не спал он один.

Одно дело гулять по молодости или готовиться к сессии. Перехватишь пару часиков к утру, хлопнешь кофе, и как огурчик, гуляй дальше. Как-то незаметно подкрался возраст, когда становишься вялым и раздражительным, спину тянет, колено на дождь болит, и вид поутру, будто всю ночь предавался излишествам. Где там: пришёл с работы, поел, посмотрел телевизор и рухнул в постель до будильника. На жену даже смотреть не хочется, а она, к слову сказать, тоже раздражительная стала. Чашку за собой не помыл, носки в раковине оставил – ну забыл, подумаешь, телефон в комнате зазвонил, он поговорил, дело было важное, а потом забыл про носки – не так сел, не так встал, не то купил. Теперь новая напасть.

Жизнь прекрасна, убеждал себя Сергей Васильевич, вглядываясь в чужие тёмные окна. Может, для великих дел отведены сейчас эти дополнительные часы бодрствования. Судьба дожидалась, пока наберусь достаточно опыта, чтобы совершить рывок к вершинам своей профессии, хотя чёрт его разберёт, где у юриспруденции дно и где вершина.

А может, это знак поменять всё в корне и улететь на затерянный в океане остров, чтобы заняться там живописью или написать нетленный роман, потому что художников и писателей даже средней руки вспоминают и после смерти, а юристов, даже хороших, не поминает добрым словом никто. Да, он не Кони, но Кони жил больше ста лет назад и ему не надо было выплачивать ипотеку дочери.

Сергей Васильевич работал на полставки в банке и читал лекции студентам по хозяйственному праву. Услышал раз, что студенты называли его между собой «Смолл»: «Смолл – препод принципиальный, но я зачёт ему сдал», «Да, Смолл упоротый». Капитан Смолл. Это звучало как из приключенческого романа. Возможно, тогда Осмоловский и подумал впервые про остров в океане. Любопытно, что присутствия Алины Викторовны, которой он за совместную жизнь ни разу не изменил, на острове не предполагалось и в самых смелых мечтах. Осмоловский представлял снова и снова затерянный остров, сочиняя новые подробности своей робинзонады и встреч с туземцами, однажды вдруг представил Алину Викторовну и удивился, осознав свою ветренность. «Между нами любовь? Да, любовь, – подумал Сергей Васильевич. – Мы идеальные супруги, верные друг другу, мы родили и воспитали двух прекрасных детей. Тогда что не так?» Но что-то было не так. Алине Викторовне не нашлось места на острове капитана Смолла. Снотворное подействовало. Осмоловский оторвался от созерцания чужих окон и отправился досыпать.

Утром его поднял будильник, заведённый женой. Он лежал у неё в ногах. С чего бы я до своего места не дошёл, не успел сообразить Сергей Васильевич, как спрыгнул с постели, ловко приземлился на четыре лапы, зевнул аж до ушей и потянулся до хруста в костях, как резиновый. Ощущение было новое и приятное. Спина не болела. Алина Викторовна понеслась в ванную чистить зубы, Осмоловский побежал за ней и стал тереться о ноги.

– Ты мой хороший, ты мой ласковый, котик кушеньки хочет, – сказала жена и погладила по голове.

Сергей Васильевич выгнул спину и заурчал.

Жена закончила умываться и закричала в комнату:

– Пора вставать! Уберёшь за котом и покормишь. Мне некогда.

«Я сегодня в двух лицах одновременно? – удивился Осмоловский. – Чудеса».

Он увидел себя выходящего из комнаты. Обрюзгший дядька с кислой миной, не сказав жене ни слова, потопал в туалет и застрял там надолго. Пока Сергей Васильевич недоумённо наблюдал за своим двойником и ждал, когда тот появится снова, Алина Викторовна успела позавтракать и чирикала уже из комнаты:

– Разогреешь вчерашнюю курочку в микроволновке, я уже поставила. Кофе завари, если хочешь, но я не советую. Ты и без кофе плохо спишь. Ты меня слышишь?

В ответ раздался шум спускаемой воды. Осмоловский-дубль вышел из одного подсобного помещения, чтобы нырнуть в соседнее, и занялся утренним туалетом. Это было не самое приятное зрелище, Сергей Васильевич знал по опыту, поэтому побежал на кухню и прыгнул на стол. Интересных птиц в окне не показывали, зато внизу один бестолковый водила заглох и заблокировал выезд со двора, две машины терпеливо стояли позади него и не могли выехать. Осмоловский увлёкся конфликтом и не заметил, как сзади появился хмурый от недосыпа дядька и огрел полотенцем. Сергей Васильевич спрыгнул и забился под стол.

– Наглая скотина, – проворчал двойник и насыпал в миску немного корма из коробки. – Кис-кис!

Осмоловский решил, что хватит дуться, пора продемонстрировать врагу добрую волю. Он набрал полный рот корма и тут же выплюнул. Из каких отходов они сделали эту гадость? Мяса тут ни грамма. Без задней мысли, чисто инстинктивно, он показал хозяину, что это не корм, а кака.

– Ешь, давай, – отозвался двойник и вздохнул. – Сам знаю, что невкусно. Другая марка ещё хуже.

«Шутить изволите, господин хороший, другая лучше, хотя и дешевле», – подумал Сергей Васильевич и смело возразил.

Вслух получилось мяу.

– Мяу-мяу, – передразнил двуногий. – Ешь, помойник.

«Там же курочка в микроволновке, или ты уже забыл? Так я напомню», подумал Осмоловский и лицемерно потёрся о ноги немолодого и несимпатичного человека. Словно уловив его желание, хозяин достал приличный кусок курочки и отделил коту белого мяса, и сам, не разогревая, поел холодное. Совсем другое дело, повеселел Сергей Васильевич, всё-таки может понять, как мужчина мужчину. И только сейчас заметил, что он как кот не совсем адекватный, как мужчина, некоторая часть организма отсутствует. «Вот как вы со мной, – огорчился

Осмоловский, но вроде и не очень сильно, – Отомщу». Он пристроился к большому фикусу и снайперски попал в стоящий на полу горшок. А что такого? В лотке было не убрано.

Человеческий двойник промычал что-то с набитым ртом и запустил тапком, Сергей Васильевич ловко увернулся, пригодилась юридическая сноровка. «Бандерлог сейчас уйдёт на работу, – прикинул он. – Не мешало бы и мне прогуляться». Когда большой Осмоловский оделся и открыл дверь, мелкий прошмыгнул в подъезд и помчался вниз по лестнице. «Свобода!» – ликовал он. Вслед неслись крики:

– Сюня, ты куда? Кис-кис-кис! Кот, иди домой. Сюня, вернись!

Счас, разбежался. Ему повезло: кто-то из жильцов в этот момент выходил, и дверь подъезда не стала препятствием. Осмоловский сиганул наружу, вовремя затормозил и не попал под машину, взял в сторону и спрятался в кустах. Сергей Васильевич упустил из виду, что кот был домашний, никогда не выходил, и нетипичное поведение шокировало хозяев. У человеческого двойника не было времени за ним гоняться, он остановился у подъезда, оглядываясь и продолжая звать кота, потом достал телефон, глянул на часы и позвонил жене. Алина Викторовна была расстроена известием, но сорваться с работы не могла, она перезвонила детям. Не прошло и десяти минут, как все семейство Осмоловских было в курсе драмы и строило планы по поискам и возвращению беглеца, но приехать моментально никто не мог.

Сергею Васильевичу было невдомёк происходящее в его семье, он сидел под кустом сирени и размышлял, куда бы податься. Двор с неожиданного ракурса представился иначе. Неприятным открытием были машины. Человек может не заметить движущийся автомобиль, а кот тем более. Разобрать снизу, какая машина будет стоять, а какая поедет, Сергей Васильевич пока не мог. Опасное авто должно пыхтеть и издавать звуки, это он понимал, но снизу казалось, что пыхтят, воняют и звуки издают все машины, стоящие рядом.

– Привет! – раздался незнакомый голос. – Новичок в моём дворе?

Осмоловский обернулся и увидел рыжего кота. Махнул хвостом и ответил с достоинством:

– Я пять лет здесь живу.

– Домосед, ясно. Давно от своих смылся?

– Полчаса назад. Или час.

– Чё-та кипеша не заметно по твоему поведению.

– Все ушли на работу. Вечером начнут искать.

– Правильные люди. Тогда давай знакомиться. Я Абрикос, для своих Абрек.

– Сергей Васильевич. Для своих... Сюня.

- Такие дела, Сюня: это мой двор.
- Я не против.
- Хорошо. Придет Тимберлейк, он же Тимба, будет качать права, Охламон с ним заодно, ты им подтвердишь, что двор мой.
- А они возражать не будут? – осторожно поинтересовался Сергей Васильевич. – Так и до криминала недалеко.
- Законник, что ли?
- Юрист.
- Юрист-пропагандист, – срифмовал Абрек. – Да ты, я вижу, брателла, без яиц в прямом и переносном смысле. Люди сволочи.
- А твои друзья меня часом не убьют? – Осмоловский вспомнил, что слышал такие байки про кастрированных котов.
- Раньше ваших били жёстко. Думали, новая либеральная партия, – сообщил Абрек. – У нас уже одна была, коты-пустозвоны. Когда стали появляться ваши, решили, что от неё откололось радикальное крыло, антизвоны. Всё оказалось проще и циничнее.
- Сергей Васильевич вздохнул. Абрикос продолжал:
- Ты не виноват. Се ля ви, се трэ вьёлянт. Жё нэ рьен а ажутэ*.
- Ты и по-французски можешь? – изумился Осмоловский.
- Моя хозяйка – учительница французского в школе, дома тоже репетиторствует, – сказал Абрек. – Старая дева, премилое забавное создание. Знаешь, кот не пёс, чтобы копировать людей. У собак подобоострастие просто унижительное для любого животного. Кот не подстраивается. Но кот должен соответствовать. Твоя чем занимается?
- Вопрос поставил Сергея Васильевича в тупик. В специфику работы Алины Викторовны он и в человеческом обличье не вникал. Решил похвастаться собственным реноме, но вышло бледно:
- Мой преподаёт хозяйственное право и работает в банке.
- По хозяйственной части? – без энтузиазма отозвался Абрек. – Ворюга, значит, и прохиндей.
- Да нет, приличный человек. И дети у них приличные.
- С вами живут?
- Отдельно, у каждого своя квартира.
- Я и говорю: прохиндей.
- Ваша дворовая компания исключительно мужская? – решил сменить тему Сергей Васильевич.
- Нет. Жанетку все знают, гулящая, но не каждому даёт. Эх, Жанетка! Такой была резвунчик в девицах, когтистая, с пчичком, –

---

* Такова жизнь, всё очень жестоко. Мне нечего добавить. (Французский)

Абрикос мечтательно завёл глаза вверх. – Теперь с Тимбой путается. Мне одна беленькая нравится, Матильдой зовут, вон на тот балкон выходит. Чистенькая, на двор не пускают.

– Может, она того, стерильная?

– Да без разницы. Мечтать можно о любой.

– Есть у меня на курсе одна студенточка, извилистая, – поделился Осмоловский. – Как пройдёт мимо, дух захватывает, пульс частит, сердце заходится, но не думай, ничего не было.

– Да где тебе.

– Ну да.

– А ещё у меня на даче есть одна, Пуля. Но мы встречаемся только летом, городского адреса не знаю, где-то в новом спальном районе. Пуля аристократка. Привел её как-то под куст жасмина в цвету...

Абрикос не удалось закончить мысль. Возле сирени нарисовались сосед с первого этажа и дворник из жилищной конторы с подозрительным свёртком в руках.

– Они здесь всегда прячутся, – сказал сосед. – Женщина одна сердобольная живёт в соседнем доме, то заливное им вынесет, то котлетки, и всё в отдельной посуде. Съедят, а пластиковые баночки-крышечки потом валяются. Устроила котам настоящий ресторан! Если ты их так любишь, взяла бы домой. Не берёт.

Дворник кивнул. Сосед продолжал:

– У меня аллергия на котов, сын тоже страдает. А под моим окном ресторан. То один придёт, то второй, кошка весной приплод принесла. Надо что-то с уличным племенем делать. Вызвал раз службу отлова. Одного поймали, остальные коты хитрые, разбежались.

– Будем думать, – сказал дворник.

– Потравили бы вы их, что ли. Особенно рыжий нахальный. Ходит по двору, все номера машин помечает.

Сергей Васильевич содрогнулся. Абрикос вжался в землю.

– Ну что я говорил? Под сиренью два сидят, а вон там ещё два заявились, – продолжал сосед.

Со стороны торца дома приблизились Тимберлейк и Охламон и остановились, прислушиваясь.

– Поймите хоть одного, может, побоятся сюда приходить. Другое место пусть ищут. Я стану здесь, не проскочат, а вы ловите с той стороны.

«Вот тебе и сосед, не буду больше здороваться», – подумал Сергей Васильевич. Дворник зашел сбоку, наклонился, в руках у него был мешок из рогожи, развернул, позвал:

– Киса-киса! Иди сюда.

– Тимба, шухер! – крикнул Абрикос и рванул между ног соседа-котофоба.

Тимберлейк и Охламон отскочили подальше и продолжали наблюдать за людьми. Осмоловский зашипел на дворника и угрожающе поднял лапу с когтями. Тот разогнулся и сказал жильцу с первого этажа:

– Этот породистый, чистый, на домашнего похож. Неприятности будут, если отловим.

– Домашнему с какого бодуна по дворам шляться? – раздражённо сказал сосед.

– С балкона, может, выпал или из машины выскочил, – предположил дворник. – Подождём, кот красивый, хозяйева должны объявиться.

– Мне что же, целоваться с ним, пока не объявятся?

Дворник неопределённо кивнул и ушёл.

«Устрою я твоей конторе и аудит, и карусель, попомнишь ещё, – подумал Осмоловский. – На нарвы упакую за мошенничество в особо крупном или за подделку документов. Хоть я не по этой части, связи имеются».

Он выбрался из-под куста и храбро двинулся мимо соседа, сохраняя дистанцию, на которой тот не мог ударить его ногой.

– Тварь блохастая, – презрительно бросил сосед.

Сергей Васильевич зашипел в ответ, вздыбил шерсть на спине и угрожающе зарычал. Сосед отступил в сторону с дорожки.

Так-то лучше. Что дальше делать и сколько ещё кантоваться во дворе, Осмоловский плохо представлял. Собратья, с которыми можно было пообщаться, разбежались. Встреча с людьми могла сулить неприятные сюрпризы. Ни в коем случае нельзя прятаться под машиной. Туда никто не полезет, но можно проспять момент, когда машина поедет, и водитель не заметит. Возле помойки крутиться не стоит: туда наведывались бомжи. Вдруг захотят его поймать и съесть? Сергей Васильевич слышал и такие страшилки. Теоретически можно скоротать время, выслеживая крыс, но где прятались крысы, были ли они здоровы или являлись переносчиками туляремии, и опасна ли туляремия для котов? Опасна, наверное, коронавирусом коты тоже болеют, он читал в интернете.

Мда, издалека свобода представлялась более соблазнительной. «Свобода приходит нагая, бросая на сердце цветы». Цветы были рядом на клумбе. Счастья не было.

Осмоловский вздохнул и устроился недалеко от подъезда дожидаться жену. Он угадал: Алина Викторовна приехала раньше всех и сразу его увидела, позвала: иди ко мне, котик миленький! Обижали тебя? Ты уж прости, Сюньчик, прости. Мы тебя любим, больше не убегай. Сергей Васильевич приблизился, виновато помахивая хвостом. Жена подхватила его и сжала в объятиях. Он благодарно замурлыкал. Домой, Алиночка. Хочу домой!

«Она же кота назвала в мою честь! Серёня, так она говорила когда-то, Серёня. Сюня, – растрогался Осмоловский. – А я «студенточка извилистая», тьфу, пошлятина. Нашел с кем обсуждать, с котом Абрикосом».

Дома он стоически вытерпел экзекуцию в виде мытья шампунем и поиска возможных блох. Блох, к счастью, не нашлось. Вернувшийся с работы двуногий двойник был как никогда обходителен и вежлив. «Вину чувствует, зараза старая. Но я его простил. Я сегодня добрый. Отчего я такой размазня?» – думал завёрнутый в махровое полотенце возвращенец.

Он мурлыкал и дремал, дремал и всё глубже проваливался в сон...

Утром раздвоение личности закончилось. Сергей Васильевич Осмоловский проснулся под трели будильника. Ощупал себя, не веря своему счастью, и с радостью убедился, что всё на месте. Впервые за долгое время обрадовался своему отражению в зеркале в ванной. Позавтракал, собрался, пошел на работу.

Спустился на лифте, на выходе из подъезда столкнулся с соседом-котофобом. Автоматически ответил на приветствие.

Но про аудит не забыл.

Юрий Черкасов
(г. Луганск, ЛНР)

Чистая плёнка

Проводнице вагона класса «СВ» вместе с пронизывающим ветром в лицо ударил заряд снежной пыли. Она поёжилась, подняла ворот форменной тужурки и непроизвольно зевнула. Февраль – мёртвый сезон для всех направлений, и особенно юга.

– А там уже всё цветёт, – пробормотала женщина и подула на озябшие руки.

Из сумерек вынырнули пассажиры. Старик выглядел импозантно: в меру упитанный, облагороженный сединами, прямой, но очень бледный и квёлый. Старушка походила на Шапокляк: востроносая, худая, согбенная, с ридикюлем, перстнями на каждом пальце и в шубке, отороченной мехом.

Проводница была одинока, проработала уже четверть века и читала людей, как вывески на магазинах. Эта пара не подходила друг другу от слова совсем.

– Билетики и паспорта, пожалуйста.

У неё немного отлегло – прописка одинаковая, но не семья, просто держатся вместе. А следом кольнула зависть. Ухоженные, с лоском... У обоих на запястьях дорогие браслеты здоровья. Наверняка дети или внуки купили им путёвку на юг.

Поднимаясь по ступенькам, пассажир покачнулся. Старушка снизу придержала его за локоток и укоризненно произнесла:

– Что ж ты, Ванечка, таблетку-то не принял?! Ох, позабыл, дружок.

Проводницу кольнуло изнутри второй раз.

***

– Спасибо за заботу, куколка, – елеино пропела Ольга Петровна, сунула проводнице два рубля, заперла дверь купе, дождалась, пока утихнут шаги и ядовито процедила: – Что, козлина, решил сдохнуть без меня? Не выйдет, сволочь.

– Я...

– Рот закрой. Опять отключил...

Она близоруко уставилась на свой браслет, дублирующий данные о состоянии здоровья старика.

– Угу, высокое давление и сердечная аритмия. Вот, глотай таблетки, ублюдок.

Иван Ильич, вздохнув, покорился.

– Когда уже угомонишься?

– Глаза б тебя не видели, – слабым голосом произнёс он.

– Впереди второй шанс. Тут и кикимору рядом вытерпеть можно... Ладно сейчас тебе не угодила. Потасканная калоша... Но я же стану молодой! Выдрессируешь!

– Хватит уже врать.

– Есть другие предложения? – ехидно парировала Ольга Петровна.

Иван Ильич отвернулся. Напарница ударило в больное место.

– Всё равно на тот свет не отпущу, – добавила она. – Смирись и прекрати искать уже свою Молчанову. Чуда не будет, нет её. Сгинула, подохла от старости или болячек.

– Заткнись, постылая. Это хоть не марай.

Такие пикировки с напарницей происходили постоянно, и слова особо не цепляли – затёрлись. И упоминание Молчановой отозвалось в старике лишь слабым проблеском габаритного огонька в тумане.

– Откуда, гадина, знает о ней? Ну не мог я ей рассказать то, чего сам не помню, – всхлипнув, прошептал он.

Среди ночи, под мерный перестук колёс, старуха деловито обыскала его вещи, умело прошлась по телу, обшарила карманы пижамы и прогнала сон.

– Колюще-режущих предметов не обнаружено, – довольно произнесла она.

У старика бороться с мразью уже не было сил. Подушка равнодушно приняла в себя две слезинки. А ведь снилось что-то... Да, женские пальчики! Они порхали, играя гамму туда-сюда, туда-сюда... и от этого на душе было легко, покойно...

***

Главврач дома доживания изучала письмо из Минздрава и командировочные предписания.

– Ищете, значит, ген старения?

– Поэтому, милочка, дайте нам медицинские карты пациенток и на время проведения исследований распорядитесь удалить персонал из палат, – подхватила Ольга Петровна. – Э-э, кстати, много среди ваших подопечных тихо помешанных или потерявших память?

– Всего две.

– О-ох. Как обычно возни с ними будет...

Иван Ильич стоял в начале длинного коридора. Слева шли ровным строем пальмы в кадках. Во всю ширь панорамного окна бились лепестки отцветающих черешен. Справа располагались внутренние

окошки палат, а посередине – мелкими волнами вытертый древний, чуть с хрипотцой поющий паркет.

...Это заведение предназначалось лишь для старушек. С середины прошлого века, во исполнение закона о свободе воли, стариков помещали в дома барачного типа, где разрешалось гнать самогон, растить самосад, играть в азартные игры, мастерить в сараях всякую хрень, доживать свой век шумно, бестолково и весело умирать пачками...

Главврач озадаченно произнесла:

– Ваши вещи в гостевом крыле. Только, э-э, а селить вас как?

– Мы с душечкой Иваном Ильичом уже тридцать пять лет работаем в паре и половину этого срока проживаем вместе. В нашем возрасте ставить штамп как-то смешно.

Иван Ильич медленно прошёл по коридору, разглядывая через внутренние окошки пациенток. Старость – въедливый художник-реалист. Тщательно прописывает то, что есть, и умело скрадывает, что было. А тут ещё дальновзоркость пожаловала, как теперь лица разглядишь? Сплошные мелкие мутные пятна. Поправить дело могли очки, но напарница постоянно подсовывала не те. От них болели глаза и кружилась голова. Впрочем, несмотря на мелкие пакости, давно стоило признать, что в семьдесят восемь лет, с провалами в памяти, букетом болезней он почти полностью зависит от неё. На что надеяться, чего ждать? Права постылая, чуда не будет...

***

Напарница просматривала бумаги.

– Управимся за три дня. Как бы то ни было, а согласись, мы – хорошая команда.

...Получив аттестат зрелости, девушка самой заурядной внешности Ольга покрутилась возле зеркала, примерила выражения лица, наряды, ужимки и пришла к выводу, что ей очень идёт белый халат. В особенности на голое тело. Срезавшись на всех экзаменах в мединститут, она подалась в училище, на административное отделение. Там Ольга выгодно продала девственность, получила отличную практику и по окончании легко заняла место сестры-хозяйки в больнице. Белый халат на голое тело и активное раздвигание ног перед нужными людьми дали результат: карьера понеслась в гору. Должности становились выше – клиенты солиднее. Таким образом, к сорока годам она пролезла в проект, и её напарником стал Иван. Все годы они работали вместе. Самая примерная пара...

– Да, – признал он.

Покончив с бумагами, Ольга Петровна со скуки предалась воспоминаниям. Тема всегда была одна. Менялись лишь года, фамилии, должности, число участников и детали оргий. Иван Ильич вытерпел

весь экскурс. Как и ритуальный обыск с ощупыванием. Ну а вдруг гадюке попадёт вожжа под хвост и надоест выручать? Сейчас-то он её хорошо знает, а в новой жизни придётся привыкать, подстраиваться... Пусть уж лучше всё останется как есть.

Он проглотил зажатые в зубах и разбитые на категории – «от», «для», «вроде то» и «на всякий случай» – таблетки. И в очередной раз констатировал провал неуклюжей попытки самоубийства. А вот ядовитую реплику на сон грядущий не вынес. Эта тварь слишком много знала из того, что он мечтал вспомнить.

– Молчановой в списках нет.

– Да найди ты в мужском доме доживания бойкого старичка, посули ему большой второй шанс, а вместо него подсунь маленький. И все мечты сбудутся. Да ещё и с запасом. Со мной делиться не придётся.

– Мы повязаны. И должны будем постоянно контролировать друг друга, чтобы не оставлять резонансных следов.

Напарница знала что говорила. Придёт срок, эта жизнь обнулится, начнётся другая. В ней она хотела устроить бордель, где всё должно было быть с изюминкой, размахом и очень кулуарно. А в роли директора – Иван Ильич. Её мало смущало, что составляющие, не говоря уже о резонансных следах, противоречат друг другу. Сюда же относилась и парадоксальная мечта вести постный образ жизни, чтобы подольше сохраниться в товарном виде. Она вообще не любила углубляться, а контакты с миром вела через подмазанных рублём посредников с уменьшительно-ласкательными прозвищами...

– Боишься наделать глупостей?

– Да, – признала Ольга Петровна и добавила: – Ты бы лучше сказал, козлина, где хранишь свой запас маны. А то ведь может случиться так, что не дотянешься.

– Пошла вон.

– Рано или поздно всё равно найду.

***

Мимо внутренних окошек палат прошёл весь персонал. Всем хотелось глянуть, чем занимаются гости из столицы.

Работа кипела. Иван Ильич надевал очередной пациентке на голову подобие шлема, массой проводов, присоединённых к монотонно попискивающей коробке с экраном, от которого ответвлялись шнуры к другим приборам и активно щёлкал тумблерами. Рядом сидела Ольга Петровна и с деловым видом заполняла блокнот.

Из окошек не было видно, как один втихаря позёвывает, а вторая выписывает построчно алфавит. Напарники самым натуральным образом валяли дурака. Главной их заботой было не уснуть.

– Ох, и долго, – специально для зрителей устало произнесла Ольга Петровна. – Может, распакуем второй комплект и ускорим процесс?

– Да, пожалуй, – смахнул со лба несуществующий пот Иван Ильич.

– Ну, тогда управляйся сам.

Когда касалось дела, она знала, что напарник играть с колюще-режущими предметами не будет и работу выполнит чётко. Многолетняя практика довела их действия до автоматизма. Через час он пришёл на «помощь» напарнице, и такая чехарда продолжалась до вечера.

На следующий день представление продолжилось. Иван Ильич, пытаясь найти то, что уже не помнил, вглядывался в лица старушек и заполнял филькину грамоту. Ольга Петровна блистала. Она прекрасно освоила привилегии участника проекта и активно ими пользовалась. Такие упоительные моменты наслаждения дорогого стоили. Щедро раздавая рубли, накоротке сошлась с персоналом. Благодарные кошечки, милочки, куколки слушали её пикантные истории с громкими фамилиями и теряли аппетит от зависти. Не забывала она по вечерам третировать напарника.

На третий день остались лишь потерявшие память пациентки. Притасив оборудование к первой, Ольга Петровна устроила допрос главврачу.

– Давно у нас, – с готовностью отрапортовала та. – Ни документов, ничего. Типичная история. Навыки хорошие. Послушная. Сама себя обиходит, но не разговаривает вообще. Поэтому считается условно... ку-ку. Спокойная старушка. Неужели и она может быть вам полезна?

– Инструкции, белочка, – вздохнула Ольга Петровна.

– Тогда я пойду вторую готовить?

– Да. Беги, козочка, беги.

Шаги затихли.

– Чего медлишь, козлина. Работай!

Последнее слово прозвучало как удар хлыстом.

Иван Ильич рефлексивно надел на смирную старушку шлем и по-настоящему подсоединил оборудование. Аппаратура загудела, замелькали цифры, по экрану поползла кривая. Вершилось священное действие соединения в одной точке времени, пространства и человека. Далее нужно было выяснить – личность ли он и обладает ли сознанием. Именно сознание накладывается на ленту жизни и делает её осмысленной. Если нет – та раскручивается без записи, впустую для хозяина, что является расточительством столь ценного ресурса.

...Проект «Чистая плёнка» родился у романтиков в лаборатории при Академии наук. Они доказали что время, пространство и линия жизни человека материальны, создали приборы, провели внушительную

серию опытов и предъявили результаты на учёном совете. Проект стал объектом чудовищных интриг в разных ведомствах, а реализовался у деловых людей из Минздрава.

Они живо раскопали в интернете древний, но с могучей доказательной базой семинар психологов и социологов на тему: «Через какой промежуток времени поступки попавшего в прошлое человека могут изменить будущее?» Вердикт был однозначен – тридцать минут. Так возник хронометраж, и началась коммерция.

Клиенту предлагали путешествие по времени. Говоря по-простому, в ленту сознания делали недорогую вклейку тем, кто хотел снова почувствовать себя молодым.

Ленты жизни без наложения сознания исправно поставляли дома для умалишённых. Дельцы из Минздрава затеялись мотать чистые плёнки, а спустя пару лет замахнулись на вторую серию жизни. И не с бухты-барухты.

К тому времени учёные доказали, что мироустройство обладает гигантским запасом прочности и пресловутый «эффект бабочки» – это миф. Влияние человека на грядущее было низведено до статистической погрешности. Тем не менее, дельцы из Минздрава прекрасно осознавали, что путешествия во времени являются производным из множества факторов, и довериться умозрительным заключениям учёных не решились.

Договор с клиентом был коротким. Чистая плёнка – это эксклюзив и частная история. Базовая, с полной памятью и нажитым опытом, уже состоялась, категорически нельзя влезать в неё, устраивая дубль, заново. Вторую требовалось прожить по-простому, без амбиций. Ход времени и череда событий – неизменны. Точка.

Прежнюю аппаратуру – метод вклейки уже не подходил – усовершенствовали. Перенос на чистую плёнку должен был работать по принципу перемещённой на другую дорожку иглы проигрывателя. А для этого сознание требовалось затормозить, усыпить и сделать транспортабельным.

«Чистая плёнка» – название, отражающее суть, но не форму. На самом деле непрожитые годы имели вид мутноватой с искорками субстанции.

К проекту подключились химики, врачи-анестезиологи, нанотехнологи и программисты. Таким образом, появился состав, где в жидком виде находилась пустая лента жизни, активатор её запуска и программа наложения сознания. Плюс лёгкий наркотик. Внешне изделие размером с два ногтя выглядело как шприц-тюбик. К нему крепился реагирующий на голосовую команду электронный чип. Он настраивал смесь на заказанный для переноса год, месяц и день. А уж в какой именно момент, тут клиенту приходилось напрягать память и включать воображение.

Дело было поставлено на широкую ногу. Проекту присвоили наивысший уровень секретности. Чистых плёнок из психушек уже не хватало, взялись за дома доживания. Потребовались верные, надёжные, туповатые исполнители, способные поверить сказочке о поисках гена старения. Иван и Ольга попали в число первых. Зарплата отличная, плюс в конце жизни подарок – полчаса вклейки. Годами они послушно выполняли работу и стали в организации своими. Примелькались. Но однажды как-то так невзначай Иван увидел секретную бумагу, потом, мельком – циркуляр, затем краешком глаза – директиву. Дальше, больше. Фрагменты схем, компоненты состава, хронометраж...

Независимо от него Ольга, активно раздвигая ноги, слушала болтовню партнёров и мотала на ус. У неё возникли серьёзные подозрения, и, чтобы не наделать глупостей, она поделилась информацией с напарником.

В итоге оба вызнали все секреты проекта «Чистая плёнка», а следом пришёл соблазн и родился план.

Дельцам из Минздрава не могло и в голову прийти, что верные исполнители способны собрать альтернативные приборы и обмануть их при скачивании пустых лент жизни. Иван и Ольга начали с малого. Постепенно украденные секунды переходили в минуты, между часами и днями к напарникам приросли отчества и подоспел пенсионный возраст. Недели, месяцы, годы, десятилетия... Сейчас они, поделив поровну, владели двумя с половиной сотнями лет.

Всё бы ничего, но взаимоотношения между ними были хуже некуда. Слишком разные. Она свято верила в собственное умозаключение, что секс – это скоротечная власть и долговременная инвестиция. Почти все её меченые близостью мужчины и после делали ей услуги. А вот напарника так и не удалось затащить в постель, и Ольга Петровна все годы за это изощрённо мстила... Тем не менее, в новую жизнь, по её мнению, они должны были уйти вместе. Иван Ильич считал иначе, да только не мог найти Молчанову. В прошлом, конечно же, если решится на вклейку, они бы встретились, но вколоть шприц-тюбики и запустить чистую плёнку можно было лишь из настоящего, и для этого требовалась разыскать её живой. Напарница же, импульсивно и противоречиво грозила перерезать ему вены, если он сам рванёт в новую жизнь. Вот такой получился запутанный клубок...

Аппаратура гудела, мелькали цифры, по экрану ползла кривая. Вершилось священное действие соединения в одной точке времени, пространства и человека. Дело это было долгим. Иван Ильич пошел глянуть, что там у напарницы.

Та работала с бабищей необъятных размеров и абсолютно бессмысленными младенческими голубыми глазами.

– Гарантирую, улов будет солидным, – довольно произнесла она.

– Куда уж больше?!

– Привычка. Да и запас не повредит. Колись, козлинка, где свой прячешь?

Иван Ильич ругнулся, вышел, назло гадюке выбросил в урну дневную порцию таблеток, открыл дверь в палату своей клиентке... и застыл. Вытянув руку, старушка сделала движение пальцами, словно играет на рояле гамму, туда-сюда, туда-сюда...

– Молчанова Анечка, неужели ты? – вздрогнув, как от холодного ветра, пролепетал он.

Старушка посмотрела на него, заплакала и прошептала:

– Ванечка Говоров?

И тут словно грянул гром. Её лицо начало оплывать свечой, являя знакомые черты. Поток чистых незамутнённых воспоминаний накрыл его с головой.

Прошлое

Иван Говоров заканчивал интернатуру и, чтобы подзаработать, устроился на полставки в «Скорую помощь». Одним февральским поздним вечером поступил очередной вызов. Прибыли на окраину в зону элитных особняков. Больной действительно было плохо – высокая температура, жар. Рядом суегился пожилой дядечка. Он наотрез отказался от госпитализации. Всё трещал про ненужный резонанс, лишние глаза и условия контракта. Зажав врача в углу, сунул ему деньги. Тот поставил уколы и предложил Ивану халтурку – наблюдать больную до утра. Дядечка тоже заторопился.

– Дела. К спонсорам нужно срочно ехать.

Больная была примерно одного с ним возраста. Небольшого росточка, вся ладная, сбитая, с копной тёмно-рыжих кудрявых волос. На кожаном диване под грудой пледов девушка занимала совсем мало места. Что-то в её лице показалось Ивану знакомым.

Он присел рядом, наложил компресс и смерил температуру. У больной явно начинался криз. Её знобило и трясло. Со стонами рвалось хриплое дыхание. Пот лил как из ведра. Не зная, чем ещё помочь, он прижал больную к себе и, убаюкивая, принялся нашёптывать ободряющие слова. И тут Иван вспомнил, где её видел. А по телевизору! Это же восходящая звезда, певица с мощнейшим диапазоном и уникальным тембром Молчанова Анна! Пару лет назад девушка из глубинки выиграла крупный вокальный конкурс, обзавелась солидным продюсером и пошла в гору. Теперь стали понятны слова дядечки о контракте, спонсорах и лишние глаза.

– Ты прекрасно поёшь. И только что обзавелась самым верным поклонником, – шепнул он запёкшимся полным губам, аккуратному

носику, гладким щёчкам, выпуклому лобику, острому подбородку и мохнатым ресницам.

Её пальцы сновали по смятому пледу туда-сюда, туда-сюда... Изредка девушка открывала затуманенные глаза, и он гадал, насколько хорошее было настроение у творца, чтобы создать такое потрясающее сочетание цвета и глубины. Столько оттенков зелёного!..

Криз миновал. Иван кутал, менял компрессы, любовался Молчановой до самого утра и, прежде чем его сморил сон, понял, что полюбил, и убедил себя, что ему ничего не светит. Интерн и звезда – нонсенс!

Иван так и не выпустил больную с рук. Не хотелось. Заряды душевного тепла сходились.

Утром они поменялись местами. Теперь девушка, не отрываясь, смотрела на него. И в её глазах было такое, отчего у Ивана зачесалось между лопатками, откуда у всех счастливых растут крылья.

– Ошибаешься, – сказала она.

– Э-э...

– Ты разговаривал во сне. Всё не так. Я не небожитель – обычный человек с самыми простыми мечтами.

Спустя минуту выяснилось, что особняк съёмный, для статуса, а её вещи можно уложить в один скромный чемодан. Через пять минут они перестали удивляться любви с первого взгляда. Прошёл час, и им показалось, что знают друг друга всю жизнь. Потом вернулся импресарио – Марк Осипович, и попытался всё испортить, но Анна Молчанова проявила твёрдость.

Вскоре они начали встречаться, стали близки и сняли для себя квартиру.

Всё это время Иван провёл как во сне. Не верил в свалившееся счастье, боялся, души в ней не чаял, трясся как наседка, ревновал, боготворил, мучился комплексами и сомневался. Хотя поводов не было. Анна оказалась неприхотливой, прекрасно готовила и не гнушалась бытовых забот. В постели им казалось, что открывают новые миры.

Он завершил интернатуру, получил должность врача приёмного отделения районной больницы и едва сводил концы с концами. Ходил в куртке с лезущим наружу пухом и ботинках на тонкой подошве, но наотрез отвергал помощь любимой. В голове остро зудел вопрос: «Я ли не мужчина?» Ответ напрашивался сам собой: посредственность, без особых примет и ярких красок. Иван замыкался в себе и молчал.

– Ванечка, не терзайся, – просила Анна. – Мне хочется простого женского счастья. Давай всё бросим и уедем на Алтай. Станешь врачом земской больницы, я нарожаю кучу детишек, раздобрею и буду верховодить хозяйством. Певица Молчанова и молчун Говоров –

оцени игру слов! Да пойми, наконец, что деньги – это не главное. Эх, встретила бы тебя раньше...

У Ивана снова зачесалось между лопатками, но холодный душ от Марка Осиповича охладил все их порывы.

– Тебе, Аня, по контракту ещё нужно отработать три года.

Неискушённая девушка впервые внимательно изучила толстую кипу бумаг и ужаснулась. Кабала!

– Я читала только то, что крупным шрифтом. Там всё было расписано так чудесно, – расстроившись, всхлипнула она.

– Эх, молодёжь, – вздохнул импресарио. – Это «Права», «Обязанности» – помельче. А штрафы – тут нужно хорошее зрение... но, тем не менее.

Помимо изнурительных концертов и работы в студии Анне приходилось присутствовать на благотворительных мероприятиях, давать интервью и позировать перед фотографами. Это занимало почти всё свободное время. Интерес зашкаливал – любовь раскрасила её голос новыми тонами. Она пела как сошедший с небес ангел. Официальный сайт Молчановой ломился от признаний, откровений и гнусных предложений. Иван скрипел зубами – на любовь покушались со всех сторон. Умом он понимал, что слава Анну тяготит похлеще его самого, свалилась как снег на голову, но всё равно страдал.

На время гастролей Иван, чтобы забыться, снова брал приработку и колесил ночами на «Скорой помощи». Когда становилось совсем неважно, он трепетно перебирал в памяти все её милые особенности.

Задумавшись, любимая непроизвольно проигрывала пальцами невидимые гаммы туда-сюда, туда-сюда. После душа всегда уговаривала кудри стать покорнее и даваться расчёске. Постоянно теряла вещи и огорчалась. Радуюсь, хлопала в ладоши и сверкала, прожигала глазницами. Любила хорошенько покушать, отругать себя за это, а после сидеть у него на коленях щека к щеке завернувшись в плед и глотать слёзы под телевизионные мелодрамы. Вечерами она пела для него, и все песни походили на колыбельные...

Следующей зимой после гастролей по Сибири любимая снова серьёзно простыла, и Иван во второй раз справился с ролью сиделки. Всё бы хорошо, но у неё сел голос. Срочно вызванный врач-фониатр восхищённо цокнул языком и написал грозное заключение.

– Уникальные связки... Но слабы, изношены. Напрягать, и тем более брать высокие ноты, категорически запрещаю.

Продюсера такой расклад не устраивал. Голос, талант – прилагательное к деньгам. Анну срочно уложили в клинику на обследование.

И тут Иван вдруг увидел свой шанс. Он побегал по инстанциям и назначил встречу со спонсорами.

– Молчанова – неприбыльный актив. В любой момент может случиться непоправимое. Оно вам надо? Но выход есть! По программе «Врачи без границ» я уеду на год в Африку. Вот контракт. Суммы с лихвой хватит выплатить неустойку. Вы ж бизнесмены, решайтесь. Потяните резину. Пообещайте аудитории, что готовите новую программу, пусть Анна участвует в любых мероприятиях, но лишь бы не пела.

Спонсоры, подумав, согласились. Окрылённый Иван бросился к любимой... а она расплакалась.

– Не уезжай! Только и держишь... Если совсем нет сил, когда вообще не могу, вспоминаю, думаю, представляю... и становится легче. Рядом с тобой крылья вырастают.

– Год, всего год, Аннушка, и станешь свободной. Вернусь, люблю, люблю, люблю...

И всё равно расстались плохо.

Он звонил ей три раза в неделю. Через полгода любимая перестала брать трубку. Вернувшись, Иван помчался на квартиру, но её уже снимали другие люди. Он бросился искать Марка Осиповича. Тот уже служил при новой молодой певице.

– Неустойка неустойкой, но есть такой термин – потерянная прибыль, – печально пояснил импресарио. – Продюсеры звезды соперницы что-то пронюхали и предложили вокальный ринг с гигантским призовым фондом. Аню просто вынудили. Она выступила божественно и победила, но сорвала голос... Время сейчас, Ваня, быстрое. Так что пять лет контракта – это потолок. За этот срок выжимают все соки, а потом выбрасывают на обочину. Я знаю, о чём говорю... Молчанова – пятая, с кем я сотрудничал. К слову, продюсер поступил, можно сказать, гуманно. Дал денег. Аня полностью потеряла голос и уехала в неизвестном направлении.

– Почему меня не дождалась?

– Испугалась. Посчитала, что будет тебе не нужна. Я так думаю.

– Вот, глупая.

– Ты на месть не распыляйся. Аня ведь подписала бумаги о досрочном расторжении контракта. Лучше ищи её. Докажи себе и ей, что по-настоящему любишь. Если найдёшь – сообщи... Мне будет приятно знать, что не всё зря.

Иван начал поиски. Молчановых в стране оказалось больше двадцати тысяч, но Анну среди них не нашёл, а на официальном сайте висела информация от продюсера, что Молчанова разочаровалась в профессии, сделала пластику и занялась другим бизнесом. Всё шито-крыто. К собственному ужасу Иван не знал, где живут родные любимой.

После пяти лет поисков он опустил руки, поставил крест на карьере и личной жизни.

– Как в воду канула. Всё зря. Не видать тебе, Марк Осипович, весточки.

***

– Жива... Я ж тебя обыскался, Аннушка.

– Правда? А у меня вся жизнь наперекосяк.

– Это уже неважно. Прости за бестактность, но скажи, ты в своём уме?

– Конечно!

– А почему тогда... ну...

– Трудно общаться. Все старушки глуховатые, и шёпота не слышат... Вот я и замолкла.

– Фух! – он стащил с её головы шлем и отключил оборудование. – Теперь сосредоточься и не задавай вопросов. Ты должна...

И тут Иван Ильич замолк. От потрясения он забыл, что делать дальше!!! Беспомощно поморгав, бросился было к выходу, чтобы спросить совета у напарницы, резко остановился, хлопнул себя по лбу ладонью и горько рассмеялся.

– Как не вовремя...

– Я помню, Ванечка, каждый день из того счастливого года...

– Вот! – обрадовался он. – Наука шагнула – и мы шагнём в прошлое.

Только нужно воссоздать в памяти один и тот же промежуток времени...

– Утро нашего первого дня, – без раздумий прошептала Анна.

– Да, да.

У Ивана Ильича от волнения затряслись руки, пошли круги перед глазами, сердце ужалило болью, а ноги стали ватными. Э-эх, зря не принял таблетки!..

На мгновение его снова обуяла паника – где шприц-тюбики? Он прекрасно помнил, что прятал их от гадюки напарницы, но куда?

Пошарив по карманам, старик обескуражено застыл. Боль в груди мешала дышать и связно мыслить. Тревожно запищал браслет здоровья.

– Ага!

Иван Ильич стащил его с запястья и отковырнул заднюю крышку. Внутри в пустотах по бокам от электронной начинки покоились тюбики. Вытащив первый, где плескалось шестьдесят лет новой жизни, он вручил его Анне и сказал:

– Чётко и внятно назови год, месяц, день и время суток. Следом активируй на чипе кнопку запуска, сорви защитный колпачок, введи иглу под кожу и нажми. Без этого перенос в прошлое не состоится. А следом то же самое сделаю я, и мы снова встретимся. Только делай всё очень быстро, – добавил, с трудом доковылял до двери и кое-как подпёр её стулом.

Постылая гадюка наверняка увидела на своём браслете, что у него проблемы, и примчится. Счёт шёл на секунды.

Иван Ильич тяжело уселся. Комната искривилась, предметы то наплывали, то отдалялись, в ушах стучало молотом, сердце разрывало болью – это конец.

Анна послушно выполнила все манипуляции.

– Теперь моя очередь, – чужим голосом, переживая вспышки невыносимой боли, произнёс он.

Дата и время дались огромным напряжением сил. Нажать ускользящую кнопку на чипе оказалось труднейшей задачей, на пределе сдёрнул колпачок, а вот ввести иглу уже не вышло. Вспышка боли озарила как снаружи, так и внутри...

– Всё зря... – Иван Ильич застонал сквозь сжатые зубы и обмяк.

Тюбик упал на пол.

***

Сметя хлипкую преграду, в комнату ворвалась Ольга Петровна. Потрогав пульс напарника, процедила:

– Концы, значит, отдаёшь.

Приглядевшись, удивлённо добавила:

– Неужели отыскал Молчанову?

А глянув на один использованный, а другой целый шприц-тюбики, злорадно рассмеялась.

– Не успел, не успел!..

Веселье длилось недолго – спазм сдавил горло. Ольга Петровна неожиданно расплакалась, её душила обида.

– Столько лет вместе, Ваня... Я ж не справлюсь одна! Жили же как-то. Я заботилась о тебе. Ну, поругивала, обзывалась... Но это от недостатка воспитания. А ты, а ты... Память дырявая, а всё искал, искал свою Молчанову. И значку толковую в браслете придумал. Я б не догадалась.

Она занесла ногу над тюбиком.

– А вот сделаю пакость, отомщу! Сволочь, предатель...

Но вместо того, чтобы раздавить, повинувшись необъяснимому порыву, Ольга Петровна воткнула иглу ему в руку и впрыснула содержимое внутрь.

– На, подавись!

Минутка слабости прошла.

– Значит, так, – жёстко произнесла она. – После похорон заткну здесь всем глотки деньгами и угрозами. Всё будет шито-крыто. Та-ак. Теперь Молчанова... Да она, она это, – Ольга Петровна оценивающе осмотрела старушку. – Ванька, пенёк старый, ничего не помнил, да только во сне разговаривал. Выболтал. Портрет сходится. Как же я сразу не разглядела-то? Ох, сладко ей теперь с ним, сучке.

Она ревниво вздохнула и продолжила:

– А мне придётся срочно покинуть проект. Остались ещё, остались меченые сексом клиенты. Помогут. Для алиби побегаю, поканючу, чтобы не кинули, хе-хе, с клейкой. Что дальше? Хм, может, действительно махнуть в мужской дом доживания? Сниму домик поблизости, приглажу бойкого, весёлого старичка, заморочу ему голову, да и утащу с собой.

Прошлое. Алтай

В доме жила семья с тремя детьми. Глава семейства работал врачом в земской больнице. Жена занималась хозяйством и вела вокальный кружок при местном клубе. Перед сном она всегда садилась мужу на колени щека к щеке. Так они разделяли душевное тепло. Только её пальчики выводили по пледу невидимые гаммы туда-сюда, туда-сюда...

Пару раз из столицы приезжала расфуфыренная дамочка. Издали смотрела на нехитрую жизнь семьи, ругалась, но зайти в гости так и не решилась. Однажды она даже написала открытку, но распсиховалась и порвала её.

...нет, этого я никак не понимаю, решительно не понимаю! Но что страннее, что непонятнее всего, это то, как авторы могут брать подобные сюжеты. Признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет, совсем не понимаю. Во-первых, пользы отечеству решительно никакой; во-вторых... но и во-вторых тоже нет пользы. Просто я не знаю, что это...

А однако же, при всём том, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье, может даже... ну да и где ж не бывает несообразностей? А всё однако же, как поразмыслишь, во всем этом, право, есть что-то. Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете; редко, но бывают.

Гоголь Н.В. Нос

Оглавление

Список авторов	3
Решение жюри.....	4
Результаты голосования на приз читательских симпатий.....	4
Дмитрий СЕМЁНОВ	
Олухи царя небесного.....	5
Светлана КУЗЬЯЕВА	
Редкий дар.....	12
Татьяна ДЕНИСОВА	
Наедине с ПУСТОТОЙ, или Р96.....	25
Наталья ТАРАСОВА	
Чудо	37
Алексей МИХАЙЛОВ	
Особенный день	49
Ирина ТУРОВИЧ	
Раздвоение личности	60
Юрий Черкасов	
Чистая плёнка	68

На первой странице обложки –
рисунок «Космическая фантазмагория»
Автор – Инна Назарова-Салита (Новокузнецк)

Тираж – 40 экз.

– ...Вирус больше четырнадцати дней не живёт на Земле. За это время нам бы людей не потерять. Ведь некоторые, особо восприимчивые к одарённости себя изводят – рисуют, танцуют, поют, картины пишут, стены пачкают – создают художественный продукт. Непризнанные погибают или сходят с ума, другие растрачивают все сбережения. спасаем, как можем. Даём снотворное. Со временем всё забудется и человек будет как новый. С чистого листа жизнь свою начнёт.

– Доктор, а может быть, не спасать их? Пусть хоть раз в жизни почувствуют вдохновение, проявят свои способности, порадуются и других порадуют?

– Да никому не нужны эти ваши достижения. Никому. Себя потешить? Ну, ну. Есть же дежурные писатели, певцы, танцоры – признанные, на зарплате. На их фоне, конечно, каждый может подхватить Вирус Одарённости и зазвездиться. Просто так, безвозмездно. А потом раз – и это проходит, как насморк. Пустота, невостребованность.

– Доктор, у меня жена в «Обществе анонимных художников». Ведь эти объединения по интересам останутся? Их же никто не отменит? Пусть бы там они и общались. Ведь человеку нужно даже не признание. Человеку нужен человек. А метеоритный хвост, может, ещё не раз прилетит и принесёт другие вирусы. Например, добра и любви.

– Ну, вы, батенька, выдумщик. Идите уже, пишите свой роман, только без фанатизма. И как закончите, не бейтесь головой в двери издательств, а положите его глубоко в стол и живите спокойной жизнью.

Татьяна Денисова
Наедине с пустотой, или Р96

Издательство «Ник без Compani»